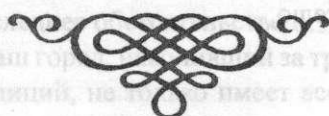

*Литературный
сборник
„РОДНИК“*

Литературный сборник «РОДНИК»

«Ищите свою Родину, если хотите стать настоящими поэтами», — советовал С. Есенин. «Ищите свой корень, свой глагол, во тьму филологии влазьте», — призвал Александр Блокский в послании «Нашему юношеству», памятного нам по хорошо известным строкам «Да будь в иском преклонных годов...» в Патриарх русской поэзии и совесть советской интеллигенции последних десятилетий существования

“Qui guejrit – reperit.”

Эта мудрость древних прежде всего приходит на ум, когда знакомишься с оригинальным и по-своему самобытным творчеством представленных в настоящем издании новозыбковских поэтов и прозаиков разных поколений и, соответственно, разного жизненного опыта, своей манеры письма, тематического диапазона, степени художественного мастерства

Автор этого небольшого напутствия, несколько десятилетий преподающий литературу в ВУЗе, и сам не лишен беллетристического сочинительства, рад и горд, что среди поэтов и прозаиков сборника есть имена и абсолютно нет беспомощных в художественном отношении писаний. Последнее обстоятельство говорит о многом, прежде всего о том, что наш город, накопивший за три века своей истории много хороших традиций, не только имеет все шансы стать в ближайшем будущем, но уже по многим важным параметрам становится университетским городом со своей неповторимой культурной средой и ее первейшей и неперменной составляющей – литературной жизнью. В конечном счете не далее как год назад мне приходилось рецензировать — представлять сборник произведений новозыбковских поэтов, имена которых и их новые стихи я не без удовольствия представляю сейчас.

«Ищите свою Родину, если хотите стать настоящими поэтами,» — советовал С.Есенин. «Ищите свой корень, свой глагол, во тьму филологии влазьте», — взывал В.Маяковский в послании «Нашему юношеству», памятного нам по широко известным строкам «Да будь я и негром преклонных годов...». Патриарх русской поэзии и совесть советской интеллигенции последних десятилетий существования

СССР А.Т.Твардовский писал об обязательном присутствии милых примет «малой родины» и творениях великих и подлинных художников слова. Эти милые приметы и своеобразная прелесть языка родной земли есть в стихах и прозе А. Пушкина, Л. Толстого, И. Тургенева и наших великих земляков Ф.Тютчева и А.К.Толстого. Есть они, конечно же, и у представленных авторов, как есть в общем приемлемое владение пером и отнюдь не голословная уверенность в том, что не святые горшки лепят...

И все же хотелось бы видеть в творчестве наших новозыбковских литераторов не только работу над так называемыми вечными темами – любовь, пейзаж, философские раздумья, – но и все то далекое и близкое, нередко драматическое, радостное и горестное, даже нечто самобытно-языковое и историко-этнографическое, что отличает наш край от других районов России, от той же Сибири Астафьева и Распутина, Смоленщины Твардовского, шолоховского Дона, есенинской Рязанщины или Поволжья Мельникова-Печерского. Последний, кстати, вошел в литературу как бытописатель русских старобрядцев. Важно все это хорошо знать, глубоко чувствовать, творчески оплодотворять, т.е. в конечном счете любить свой край, понимать вчерашний день и жить сегодняшними заботами милой нам малой родины.

Художественное творчество – занятие великое, благодарное, святое. Оно воспитывает художественный вкус, учит понимать искусство, прививает человеческой личности высокие качества и создает саму творческую личность. В этом убедится каждый, кто прочитает настоящую книгу сейчас, на втором году XXI века. В этом убедятся и наши потомки, литературоведы, краеведы, историки, любые другие исследователи творимой нами нынешней современности.

*Николай Родченко,
доцент кафедры гуманитарных
дисциплин НФ БГУ
ноябрь, 2002г.*

ЦЕНТР «РОДНИК»

Я расскажу про центр «Родник».
Открылся он недавно,
Есть краевед и прикладник,
Певица, как ни странно.

Приют нашли в библиотеке —
Прекрасный зал искусства
Спешат и взрослые, и дети —
Здесь не бывает грустно.

Здесь живопись по смене года:
Пейзаж, этюд, портрет,
На фоне сказочной природы
Стихи прочтет поэт.

В. Тютюнник.

КУБЛИЦКИЙ Александр Георгиевич,

1937 г. р., коренной новозыбковец. После окончания госпединститута прошел путь от учителя до директора учебного заведения.

Страстный сторонник воссоединения на равноправных основах братских славянских народов. Опубликовал три книги: «Три натиска бури» (Тула. 1991), «Мария» (Брянск. 1995), «Род един» – общее будущее!» (Новозыбков. 2001), сотни статей в научных и других сборниках, газетах в России и за рубежом. Краевед.

Из студенческой жизни НГПИ

«ЛИТЕРАТУРНОЕ СЛОВО»

На грани 50-60 годов прошлого века в Новозыбковском педагогическом институте выпускался студенческий литературный и критико-библиогеографический журнал «Литературное слово», пользовавшийся большой популярностью. В редакционную коллегию входили студенты Ю. Артюхов, Н. Политико, И. Цейтин. Редактором журнала была преподаватель Е. Г. Непомнящая.

Журналы печатали в небольшом количестве на пишущей машинке, затем переплетали. Один из них чудом попал в мою библиотеку. Это была своего рода отдушина для молодых людей, получающих в НГПИ профессию учителя русского языка и литературы. Сам же выпуск журнала был настоящим праздником в студенческой среде. Некоторые из авторов со временем стали поэтами и прозаиками, учеными.

Вспоминая те светлые дни, попытаюсь вернуть к ним начинающих литераторов и почитателей их творчества. Буду рад, если кто-либо из них откликнется.

Первая страница хранимого мною журнала открывается стихотворением В. Рыбчина, впоследствии поэта, ученого: «Мое знакомство с Лениным». В нем автор делится с читателем своим душевным отношением к образу Ильича.

Продолжил поэтическую рубрику Ю. Артюхов в стихотворении «Родной мой край...», восторгаясь его природой, кристально чистой родниковой водой, первой любовью:

РОДНОЙ МОЙ КРАЙ!

Чтобы в тебя влюбиться
И больше не забыть тебя навек,
Достаточно хоть раз воды напиться
Из родников твоих и чистых рек...
Бывает всякая любовь на свете:
Одну стирают версты и года,
Но есть любовь —
Ее однажды встретишь,
И вместе с ней
До гроба, навсегда.

Прекрасными словами заканчивает свое стихотворение «Певцам природы» С. Юрков:

... Резцом граненым врежайся в строчки,
Раздуй вагранку из мочи всей.
Давай побольше лопнувших почек
Юности нашей — весне!

В журнале опубликовали свои стихи Н. Заворотнова, Е. Пальская, В. Ульянов. В сюжете публикуемой главы из повести «Рассвет» Н. Политико на фоне колхозной жизни показывает первую любовь Николая и Вали. Простой, доступный язык завораживает читателя, увлекает вместе с героями:

«Валя держала в руке белую лилию и порою любовалась ею. Николай вздыхал. С нею ему было и хорошо, и больно. Хорошо, потому что она была рядом, но как только мысль напоминала о ее скором отъезде, его сердце сжималось в комок и начинало биться усиленно. Он поймал ее руку и, не замечая того, сильно сжал.

— Не надо! — вскрикнула она. — Больно!

— Ты все забудешь... — сказал он утвердительно. — Все. И лес, и речку, и...

— Почему ты так думаешь? — прервала его Валя.

— Ты в город уезжаешь. А город я уже знаю. Одних портит, других уму-разуму учит.

— Этим ты хотел сказать, что я тоже испорчусь? Да?... Меня мама тогда в дом не пустит. Ясно тебе?

Он не ответил. Наступило долгое молчание, такое молчание, какое само за себя говорит только правду и только откровенно. Николай робко коснулся руками ее плеч, они скользнули по шее... Он поцеловал ее в мягкие полуоткрытые губы.

— Что ты, что ты... — сказала она, очнувшись. Разве?... Нет, нет... Я же...»

На протяжении учебы в институте определился круг научных интересов студентов литфака Ю. Артюхова и Н. Зуевой. Первый работал над проблемами советской литературы, второй — зарубежной. Ряд работ, выполненных ими в прошлые годы, были удостоены грамот и премий Министерства Просвещения РСФСР. В журнале публикуются работы Ю. Артюхова «Юмор» М. Шолохова во второй книге «Поднятая целина» и Н. Зуевой «А. М. Горький о французской литературе конца XIX — начала XX вв.», одобренные конференцией НСО и представленные на Всероссийский конкурс студенческих научных работ.

Литературное творчество студентов совершенствовало их профессиональные начала, способствовало исследовательской деятельности на тернистой дороге в науку.

*Александр Кублицкий.
Фотография В. Е. Рыбчина.*

АЛЕКСАНДР КАЛМАКОВ

Родился в г. Новозыбкове. Окончил школу № 1, Гомельский железнодорожный техникум. Свое первое стихотворение написал в 14 лет. С девятого класса печатается в газете «Маяк». Его стихи звучали по брянскому радио «Чистые ключи». Печатается в периодической областной прессе. В 1997 году Александр переехал в Глинищево, где и живет по сей день, но связь с родным городом не утерял.

МАРШРУТ ТУРИСТА

Нам горбят спины наши рюкзаки,
Мы топчем землю, делаем ей больно.

Неправда то, что горы высоки,
И то, что жизнь короткая довольно.

У нас всегда останется резерв:

Две сигареты и с водою фляга.

А вслед нам смотрит каждый ротозей —

Идет турист, мечтатель и бродяга.

Нас не удержат реки глубиной.

Зачем искать места, где много легче?

Ведь это мы подняли шар земной,

Взяв и взвалив его себе на плечи.

Теперь для нас все прелести земли,

Так было испокон веков и ныне.

Для нас плывут по морю корабли,

Для нас колодцы вырыты в пустынях.

И облака мы видим вдалеке,

Как миражи, загадочные очень.

Свои мы замки строим на песке

И у костров походных письма строчим.

Приходит вечер, и уже опять
По небу мчатся звезды и кометы.
Мы в эту ночь совсем не будем спать —
Мы просидим до самого рассвета.
И тишиной нас не раздавит лес,
И не оглушит грохот водопада.
Покуда столько неоткрытых мест,
Берите рюкзаки и в путь, ребята!

УЛЫБАЙТЕСЬ

Улыбайтесь, когда тяжело,
На душе если кошки скребут.
Улыбайтесь врагам всем назло —
И от злости враги убегут.
Улыбайтесь, порой не везет,
И пусть думают: вам хорошо.
Улыбайтесь. От разных невзгод
Я лекарство такое нашел.
Не врачами прописано мне,
И в аптеке его не купить.
Улыбайтесь, улыбка в цене,
Улыбайтесь, ведь легче так жить!
Сколько подлых ударов, потерь
Стерегут нас на нашем пути.
Улыбайтесь всегда и теперь,
Что бы ни было там, впереди.
Улыбайтесь, коль предали вас,
Со стыда пусть краснеют они.
Улыбайтесь и в добрый вам час,
Пусть вас ваша улыбка хранит.
Улыбайтесь, себе изменять
Мы отныне не станем, друзья,
Улыбайтесь, улыбку менять
На печаль, как перчатки, нельзя.

«БОЕВОЕ» КРЕЩЕНИЕ

Рассказ

Какой-то философ сказал: «Сильнее нас наша память». И действительно, иногда вспоминаем мы всевозможные истории, приключения, которые случались не раз у каждого.

Четырнадцать лет назад я, тогда еще только делавший первые шаги в журналистике, пришел работать в заводскую многотиражку корреспондентом. Накануне прошел собеседование у секретаря парткома и оформил документы в отделе кадров.

Проснувшись утром в отличном настроении, но чуть-чуть волнуясь, собираюсь на работу. Надеваю белую рубашку, галстук, брюки, которые только вчера купила мама, чищу до блеска ботинки — и в путь. Захожу в редакцию, знакомлюсь с коллективом, собравшимся на планерку. Редактор подводит итоги, говорит о чем-то еще, совсем мне не понятном: разных макетах, петидах, линотипах и строкомерах. Журналисты, получив задание, расходятся. Шеф обращается ко мне: «Ну, Шура, получай первое задание! Давай-ка иди в сборку, там есть участок покраски оборудования. Возьми интервью у маляров и сделай к завтрашнему дню материал».

И я отправляюсь на поиски этого самого участка покраски. Завод ведь незнаком совсем, но, спросив у двух-трех встреченных мной рабочих, минут через сорок блуждений по предприятию я наконец-то попадаю на участок покраски. С удивлением и интересом рассматриваю разные станки, механизмы, невиданных, немыслимых конфигураций детали, вокруг которых, словно ангелы в облаках, в распыленной краске двигаются маляры с краскопультами и в респираторах. Вид, скажу прямо, для постороннего, впервые попавшего сюда человека — просто фантастический. На какое-то время отвлекаюсь от действительности и забываю обо всем. И вдруг резкий, громкий крик заставляет меня вздрогнуть:

— Берегись!

В этот же миг чувствую: что-то липкое проливается на мои новенькие брюки, заливая их от пояса до коленей, и стекает на пол. У меня нет слов... Хоть плачь... Разворачиваюсь и бегу в редакцию. Не

описать взгляд редактора, увидевшего меня таким.

— Что с тобой случилось?! Где ты был?!

— Да, вот, — начинаю, запинаясь, рассказывать я, — понимаете, иду я по участку покраски, а тут, ну надо же, прямо рядом со мной вдруг лопнул шланг от краскопульта, и меня окатило этой вонючей коричневой грунтовкой...

— Ну, Шура, поздравляю тебя! — сказал шеф и пожал мне руку.

— С чем? — удивляюсь я.

— С «боевым» крещением! Теперь ты — настоящий газетчик!
Иди домой, переоденься.

Вот так и закончился, едва начавшись, мой первый день в журналистике. Брюки, конечно, пришлось выбросить, а интервью у маляров на следующий день я взял и редакционное задание выполнил успешно.

ВЛАДИМИР ПЕТРОЧЕНКО

Владимир Петроченко родился в Белоруссии. Окончив среднюю школу в Новозыбкове Брянской области, уехал по комсомольской путевке в Красноярский край. Затем служил в армии, работал на стройке.

Закончил филологический факультет Новозыбковского педагогического института. Много ездил по стране. Последние годы работал учителем русского языка и литературы в г. Новозыбкове.

В разное время в разных областных и районных газетах публиковались его рассказы, очерки, статьи, отрывки из повестей.

Во второй половине 90-х годов в издательстве БГПУ вышли его романы «Расследование методом ИКС». «Черная дыра», повесть «У кромки бытия». Роман «Тень тополя», отрывок из которого приводится ниже, является продолжением первой книги — «Расследование методом ИКС». В настоящее время он готовится к изданию.

Сейчас автор работает над романом «Ночь страха», который завершит трилогию, или 1-й цикл произведений под общим названием «Расследование методом ИКС», повествующих о событиях, происходящих на Новозыбковщине и в стране в конце XX века.

Отрывок из романа «ТЕНЬ ТОПОЛЯ»

Было уже светло, когда автобус остановился у Калиновского сельсовета. Поднявшись по деревянным ступенькам, Ладынин дернул входную дверь, которая оказалась открытой. Это его обрадовало, ибо теперь не грозила перспектива торчать у входа до девяти утра, пока не потянется на работу совхозная администрация, или поджидать

планерки у председателя (то бишь директора совхоза), которая все равно ранее восьми не начиналась. Его ждали: старший лейтенант Шаповаленко Сергей Никифорович, высокий и тощий, с узким лицом и длинным носом, сидел в приемной секретаря сельсовета и перебирал какие-то свои бумаги из планшета. Увидев Ладынина, он поднялся навстречу и протянул для приветствия руку с узкими костлявыми пальцами, однако крепкими, как железо.

— Как доехали, Анатолий Федорович?

— Спасибо... Погода — просто кошмар какой-то, — ответил лейтенант, стирая с лица капли дождя. — Кажется, весна началась, а на улице будто промозглая осень.

— По старому стилю еще зима, — сказал Шаповаленко, собирая в планшет разложенные на столе бумаги. — Даже полнолуние, говорят.

— Какое тут, к черту, полнолуние?.. Природа словно взбесилась: не поймешь, то ли зима, то ли осень, весна или лето. Все летит кувырком.

— А жить-то надо, — улыбнулся участковый и поднялся. — Ну что, пошли?

— Куда это?

— Сельская больница здесь поблизости. Посмотрим труп.

— Только трупа сейчас и не хватало, — попытался пошутить Ладынин.

— Жизнь бьет ключом, да все по голове, — тем же тоном откликнулся старший лейтенант, и оба вышли на улицу.

Вдвоем они дошли до сельской больницы, где дежурная нянечка провела их к моргу, полуподвальному строению в конце двора. Спустились по ступенькам вниз и очутились в небольшом квадратном коридорчике, где было так же холодно, как и на улице, вдобавок еще пахло сыростью и плесенью.

Нянечка отомкнула дверь второго помещения, чуть побольше коридорчика. Один самодельный катафалк, напоминающий собой удлиненные носилки, пустовал в ожидании какого-нибудь нового почившего клиента. Второй был накрыт простыней. «Для деревни два катафалка — это много», — почему-то подумалось Ладынину. Если

кто умер, его обычно тут же забирают домой... Нянечка, маленькая, незаметная женщина лет под пятьдесят пять, отвернула конец простыни, при этом отвернувшись сама. Лейтенанта буквально передернуло, когда он увидел серое, морщинистое лицо с остановившимися, широко открытыми глазами.

— Такой ее и нашли? — через силу выговорил он.

— Да... Глаза никак не получается закрыть. Так, наверное, и закопают.

— У нее есть близкие?

— Конечно. Сегодня заберут. Мы попросили придержать, пока вы не посмотрите.

— Когда это случилось?

— В ночь с третьего на четвертое... Сегодня пятое марта. Пора уже, как говорится, и на погост.

Они вышли во двор. Дождь уже прекратился, однако в воздухе было по-прежнему свежо и зябко. Хмурые, тяжелые облака мутноводянистого оттенка загроздили все небо, обещая такой же хмурый и водянистый день.

— Терехова Пелагея Андреевна, 1926 года рождения, — между тем неторопливо говорил участковый. — Работала в совхозе на разных работах: дояркой, в огородной бригаде, пасла коров. В общем, делала все, куда ни направляли.

Последние несколько лет — пенсионерка, но продолжала работать...

— А жила она здесь, в селе?

— Нет... На хуторе, отсюда километров шесть будет. Когда происходило укрупнение и ликвидация хуторов, она отказалась покидать свой дом. В Москву, рассказывают, писала письма... В общем, отступились от нее. Впрочем, тогда еще мужик ее был жив, такой же работа, как и она. Однако он умер пять лет назад, с этого времени она стала попивать...

— Дети есть у нее?

— Дочка живет в Калининграде, ее вызвали, она приехала. А сын далеко, во Владивостоке. Послали телеграмму, но... — участковый неопределенно пожал плечами.

— Ну и как же все это произошло?

— В субботу она пришла на День рождения своей кумы... Отмечали весь день, до ночи. Под вечер, или даже не под вечер, а уже ночью, часов в десять, пошла домой...

— Пешком за шесть километров?!

— А что тут такого? Практически здесь все ходят пешком, на автобус надежда слабая.

— Но ведь ночь на дворе!

— Все дорожки и тропинки исхожены, знакомы до последнего кустика. А пьяному к тому же и море по колено...

Ладынин представил себе непроглядную ненастную ночь и изрядно пьяную старую женщину на безлюдной дороге среди поля, и ему стало не по себе.

— Почему ее отпустили, почему не оставили ночевать? А если все же она пошла, то неужели никто не додумался ее подвезти или хотя бы проводить?

— Оставляли, — сказал Шаповаленко, — но она не послушалась: дома же хозяйство, куры, корова — не поены, не кормлены...

— Все равно какая-то безалаберность... Как-никак старушке уже седьмой десяток — и бросить ее среди ночи?!

— Как бы там ни было, но она почти дошла до своего хутора. Ее нашли в двухстах метрах от калитки. Лесник Тимофеич ехал в поселок на лошади. Слышит: скотина орет, собака на привязи воет. Свернул — все закрыто, на дверях замок. Проехал немного по дороге и увидел: лежит под деревом...

«Да. Все ясно, — думал Ладынин, — обычный несчастный случай на почве пьянки. Перебрала старушенция, не рассчитав своих сил и возможностей».

Скорее всего прошла она все-таки эти пять с лишкой километров, под конец выбилась из сил, упала и замерзла. Одно только непонятно: почему у нее открыты глаза и лицо перекошено гримасой ужаса? Что случилось в два часа ночи среди поля на дороге? Что помешало ей пройти последние двести метров до родной калитки?

Вряд ли на эти вопросы можно ответить здесь. Скорее всего, придется ехать еще дальше, за целых шесть километров, в непролазную грязь, слякоть и зимнюю стужу. Так всегда у него: одно цепляется за другое, другое открывает путь третьему. Сначала неудобно, потом — плохо, потом еще хуже...

Ладынин поежился, и, видимо, участковый догадался о его мыслях.

— Что вы думаете предпринять? — спросил он.

— Как мне туда добраться?

— Куда «туда»? — не понял участковый.

— На место происшествия, где ее нашли.

— У меня мотоцикл с коляской. По трассе, хотя она и разбита, но долетим.

— А если через поле? — слабо произнес Ладынин. — Ведь, наверное, короче. Ему хотелось быстрее добраться до места, подвести итоги и убраться восвояси.

— Мотоцикл не пройдет, — покачал головой Шаповаленко, — завязнем по горло. Лучше по проторенной дорожке.

ВАЛЕНТИНА АНАТОЛЬЕВА (В. Быкова)

Родилась на севере в селе Ильпырь Карагинского района Камчатской области. Еще маленькую родители привезли в свой родной город Новозыбков, который стал ей тоже родным. Здесь она окончила школу № 2, затем машиностроительный техникум, Брянский институт транспортного машиностроения.

Писать стала в школьном возрасте сначала стихи, затем маленькие рассказы. Печатается в периодической прессе.

ВЕРКА

Рассказ

— Мама, а папа придет за мной в детсад? — Верка подняла головку от подушки.

— Спи, доченька, спи, конечно же, придет. Он ведь любит вас.

Верка довольно улыбнулась.

— Теперь пусть Витька скажет, что я вру.

— А что такое? — Зоя Ивановна погладила дочь по светлым волосам. Девочка заговорщицки поманила мать пальчиком, обняла ее за шею и зашептала в самое ухо:

— А я Витьке сказала, что мой папа лучше всех. У него капитанская форма и кортик, а у его папы нет. И что папа придет за мной в детсад, а Витьку побьет за то, что он смеется надо мной. Правда, мам?

Губки девочки надулись. Она отпустила руки, голос ее принял обиженный тон:

— Мам, а мам, а правда, что Витька сказал?

Зоя Ивановна тревожно посмотрела на дочь:

— И что же такого сказал тебе Витька?

— Как что? — горячо заговорила девочка. — Он сказал, что мой папа давно приехал в город и что он ко мне не придет, потому что у него есть другая тетя, и что он меня не любит.

Что-то больно кольнуло в сердце женщины. Ну как объяснить все дочери, как? И чтобы Верка не увидела ее слез, поспешно встала и подошла к выключателю.

— Ну что ты, Вера, папа очень любит и тебя, и Надю, и Толю. И если тебе будут говорить обратное — не верь. Хорошо?

Женщина стояла спиной, и поэтому Верка не могла увидеть в ее серых глазах ни боли, ни слез.

— А сейчас спи. Вон Надя десятый сон видит, а ты все болтаешь, — и она выключила свет. Все погрузилось в темноту.

Зоя Ивановна осторожно прошла возле кровати, где спал отец, укрыла на соседней кровати Надю и села возле Верки, которая оживленно что-то шептала. Женщина легла. Холодные ножки дочери прильнули к теплоте тела матери, и вскоре девочка заснула, оборвав свое бормотание на полуслове.

На столе монотонно тикали часы. И почему-то сегодня Зою Ивановну это раздражало. Она повернулась и закрыла глаза, но сон, казалось, забыл о ней. «Тик-так, тик-так», — тикали часы, проникая в мозг. Она закрыла подушкой голову. Но это не помогло. «Тик-так» — стучало в висках. Почему-то вспомнила, как познакомилась с Володей. Он как-то сразу проник в ее сердце. Красивый, умный, сильный, он перевернул ее жизнь. И когда сделал ей предложение, очень быстро вышла за него замуж и уехала с ним на Север. И только тогда, когда они оказались вдали от родного дома, от друзей, поняла, что совсем не знает этого человека. Вскоре родилась Наденька. Все шло хорошо. Но однажды между уроками она прибежала домой и застала мужа с соседкой. В глазах у нее потемнело, ноги стали ватными. От этой обиды долго не могла прийти в себя и совсем не помнила, как довела уроки. А придя домой, собрала Надю и ушла. Он нашел их только на третий день. Привез домой. Клялся, что только ее и Надю любит и что больше этого никогда не повторится. И она пове-

рила ему. И снова все было хорошо. Он души не чаял в дочке, а ей старался помочь во всем. А когда она забеременела Верой, Володю как подменили. Он стал грубым, оскорблял и даже бил ее. «Тик-так, тик-так», — тикали часы. А ей казалось, что они рассказывают ей о ее жизни. Они говорили ей: «А помнишь, как ты появлялась в школе с синяками? Учителя делали вид, что верят в твое очередное падение, а потом просто жалели тебя. Помнишь ли ты это? Если нет, то вспоминай». Она попыталась вспомнить, когда он в первый раз поднял на нее руку. Но не смогла. Она лишь помнила, как стыдно было перед учениками. Они ведь все понимали. И надо сказать, что ее ученики очень любили и старались ей во всем помочь. А потом Дора, ее подруга, сказала, что продавщица Тонька ждет от Володи ребенка. Этот удар был посильнее первого. Нелегкий был тогда у нее разговор с мужем. И хотя он все отрицал, выгнала его. И она осталась с трехлетней Надей и беременной вторым ребенком. Как она тогда выжила?... Она и сейчас не могла понять. Люди на Севере очень дружные, и она очень скоро ощутила невидимую дружескую руку помощи этих удивительных людей. Утром на пороге у нее всегда были дрова и снег, который там топили для воды. Пока она спала, кто-то очищал ей вход в дом от снега после пурги. А летом, когда она приносила ведро голубики из тундры, находились сразу же покупатели, которые давали за ягоды хорошую цену. Так она и жила. Ей помогали все, кроме мужа.

Зоя Ивановна открыла глаза. Как долго тянется ночь. А сна как не бывало. Она тихо подошла к окну, открыла форточку. Свежий ветер пахнул ей в лицо. Верка во сне что-то забормотала. Зоя Ивановна подошла к дочери, поцеловала ее, открыла книгу, но тиканье часов возвратило ее в прошлое. Вспомнилось, как, доведенная до отчаяния, она решила избавиться от беременности, как Вадик, муж Доры, видя, что не помогают никакие уговоры, назначил ей день операции. В ту ночь она не могла уснуть, точно так же, как сейчас, а когда усталые глаза ее все же сомкнулись, Зоя Ивановна увидела сон, который повлиял на всю ее дальнейшую жизнь. И вот видит она, будто попала в какую-то комнату. Везде стоят кровати, на них люди. Она стоит и не знает куда идти. Вдруг подходит к ней бабушка Настя, которая

давным-давно умерла. Подходит и говорит: «Ну, что стоишь, внучка, пойдем, покажу тебе твою кровать. Ляжешь, отдохнешь». И действительно, она почувствовала усталость, ей смертельно захотелось лечь и заснуть. Подводит ее бабушка к двум застеленным кроватям. Одна большая, а другая маленькая. «Ну, вот и ложись, отдыхай», — говорит. Зоя Ивановна почувствовала такое облегчение, даже хотела раздеться, как вдруг появилась старая-престарелая бабка и, сдвинув брови, гневно заговорила: «Ты что, Анастасия, совсем из ума выжила. Рано ей еще среди нас, старух, быть». Затем повернулась к женщине, взяла ее за запястье своими костлявыми холодными руками и вывела ее за дверь. Проснулась Зоя Ивановна в холодном поту, но в больницу все же пошла. Придя, она рассказала Вадику сон.

Тот сморщил лоб:

— Вот что, Зоя, как хочешь, а я грех на душу брать не буду. Иди домой. У тебя Надя еще маленькая, и ей нужна живая мама, а нам — подруга.

Но самое ужасное, что холод костлявой руки старухи у себя на запястье она чувствовала до самого рождения дочери. Вот так родилась Верка. На Севере к роженице в палату пускали всех. К Зое Ивановне потоком шли и знакомые, и мало знакомые, и вовсе незнакомые люди. Каждый хотел помочь ей. Люди делали все, чтобы она не чувствовала себя одинокой. Шли все, а вот Володя не появился ни разу...

Она вздохнула. Ночь клонилась к концу. Зоя Ивановна легла. Закрыла глаза. Но часы настойчиво возвратили ее память назад. Она вспомнила тот день, когда ее выписали с Веркой из больницы. Выйдя из роддома, она ужаснулась: ее встречал почти весь поселок. Снега было много. Верку и ее подняли на руки и понесли домой. Все шутили, смеялись, а она с ужасом думала: «Боже, дома не топлено, продуктов никаких, денег нет. Чем же я накормлю людей? Боже, как стыдно!»

Когда ее поставили на порог дома и она дрожащей рукой открывала дверь, — слезы потекли у нее по щекам. Дом был чисто убран, в печке весело потрескивали дрова, посередине комнаты сдвинуты столы, которые ломились от изобилия закуски и выпивки. Наденька с радостным криком бросилась к матери. Дора улыбалась, сложив

руки на груди, смотрела на подругу. Так поселок встречал нового жильца и нового человека — Верку. Денег не было, а просить их у матери или у друзей Зоя Ивановна не хотела, поэтому вышла на работу, едва Верке исполнился месяц. Девочек, пока она была в школе, смотрели ее ученики. Они сами установили график дежурства и с удовольствием возились с малышами.

За окном посветлело. Часы показывали четыре часа. Но ей не хотелось спать. Она вспомнила, как однажды, придя усталая из школы домой, увидела Володю. Он сидел, держа на руках Надю. Верка мирно спала в кроватке. Он подошел к ней, как будто они расстались несколько часов назад, и спокойно сказал:

— Устала? А я покормил Верочку и укачал. А вот с Наденькой играем, нашу мамочку ждем.

Она хотела высказать ему всю ту боль, что была у нее на сердце, но увидела, как Надя обняла отца за шею, молча сняла пальто и прошла в комнату. Так она дала ему еще один шанс. Постепенно все уладилось. Она была счастлива, но не долго. Вскоре Володя стал опять пропадать из дома, оскорблять ее и бить. И снова она забеременела. Но, помня о страшном сне, решила оставить ребенка. Но когда Володя ушел на корабль, взяла детей, немного денег и в чем была — в халате и тапочках — улетела к матери. Приехав в Новозыбков, она родила Толика. Надю устроила в детский сад. Толика смотрела мать, а Верку приходилось одну закрывать в комнате, пока была на работе.

«Тик-так, тик-так», — тикали часы. Но Зоя Ивановна совсем забыла о времени. Жизнь, как кинокадры, мелькала у нее перед глазами.

Нет, все же ей везло на хороших людей. В тот день она привела Надю в детсад. Очень спешила и поэтому подгоняла дочь. К ней подошла заведующая детсадом Юлия Иосифовна, посмотрела на молодую женщину:

— Что у тебя случилось, Зоя? — спросила она.

Слезы сами собой покатились у нее из глаз. Юлия Иосифовна взяла ее за плечи и повела в свой кабинет. Когда дверь закрылась, она тоном, не терпящим возражений, сказала:

— А ну, рассказывай, что у тебя стряслось?

И она рассказала, что Верку некуда девать, что та закрыта одна в

комнате, и что она постоянно думает о малышке, и что в садик ее не берут, потому что ей нет трех лет. Юлия Иосифовна задумалась. Затем дала ей бумагу и ручку.

— Пиши!

Зоя Ивановна подняла на нее непонимающие глаза. А та, что-то обдумывая, продолжала:

— Пиши заявление. Я возьму Веру на место мальчика. Его родители уехали в отпуск и его с собой взяли. Если спросят, сколько лет Верке, говори, что три, а метрики тебе должны скоро прислать с Камчатки.

— А если откроется обман? — нерешительно спросила Зоя Ивановна.

Юлия Иосифовна махнула рукой:

— Ничего они не сделают. Когда все откроется, ей уже исполнится три года.

... За окном запели птицы. Но Зоя Ивановна этого не слышала, перед глазами у нее мелькала вчерашняя встреча. Она вышла из школы и увидела Володю. Он подошел к ней. Взял под руку.

— Ну и дела. Я жду тебя уже два часа.

Она посмотрела на него, зная заранее, что он сейчас будет ее уговаривать вернуться к нему. Горькая улыбка коснулась ее губ, когда он заговорил:

— Сейчас напишешь заявление на расчет, и поедем домой. Ты ведь знаешь, как я люблю тебя.

— Да, знаю, хорошо, что эти ученики не видят следов твоей любви у меня на лице.

— Ты стала жестокой... Хотя ты имеешь на это право, сероглазка моя любимая.

Зоя Ивановна молча смотрела на него.

— Ну, пойми, что я не виноват. Эти бабы сами виснут у меня на шее. Что я могу сделать?

В глазах у нее блеснули недобрые искорки.

— Вот и иди и найди такую дуру, чтоб терпела такого изумительного мужчину, как ты. А с меня хватит, сыта от всего этого. Наелась на всю жизнь вперед. Врагу не пожелаю такого счастья. Я только сейчас вздохнула свободно. Да, пусть мне тяжело. Пусть денег нет,

но их не было и с тобой. Ты все проматывал на любовниц. Нет, Володя, хватит. Больше не могу, да и не хочу.

— А ты подумала о детях: каково им без отца? — голос Володи дрогнул. Он не был уже таким уверенным:

— Зой, неужели ты все забыла? Ведь было и хорошее. Ведь была и сказка, помнишь мою «Сероглазку», которую я посвятил тебе? Зоя, мне очень плохо без тебя и детей.

— Володя, а почему ты раньше не ценил то, что было? А сейчас как раз я думаю о детях. Что они скажут, когда вырастут и будут видеть мать всю в синяках? Так уж пусть они о тебе сейчас вспоминают хорошо, чем потом будут ненавидеть.

Она повернулась, но, вспомнив что-то важное, оглянулась:

— Я прошу, зайти за ними в сад. Они так ждут.

— Хорошо, — пробормотал он, не веря, что разговор окончен.

— Я им скажу, что завтра ты придешь за ними и привезешь домой, — и она легкой походкой скрылась за углом.

... Зазвенел будильник. Как быстро пролетела ночь. Зоя Ивановна подняла девочек. По дороге в детсад она сказала:

— Сегодня за вами придет папа.

Верка от счастья запрыгала, обняла мать за шею, осыпая ее щеки поцелуями. Всю дорогу она только и говорила об этом. Она все уши прожужжала и воспитателю, и детям, и даже нянечке. Весь садик знал, что за Веркой сегодня придет ее папа. И этого события ждала не только счастливая девочка, но и все работники сада. Весь сонный час Верка просидела возле окна, боясь пропустить отца. На площадке она выбрала место, откуда было видно всех родителей, которые входили в детсад. Она боялась отлучиться даже на минуточку с этого поста и не заметила, что на площадке осталась только одна она, девочка не видела, как привели Надю, а папы все не было. Наконец калитка открылась, и девочка увидела запыхавшуюся от быстрой ходьбы маму.

— Мама, мамочка, а где папа? — Верка со слезами бросилась к матери.

— Папа не смог прийти, у него очень неотложное, важное дело, — пряча глаза от дочерей, сказала Зоя Ивановна.

Верка немного успокоилась, но так и не смогла понять, какое может быть важное дело на свете, если она так сильно ждала его. По дороге Верка замучила вопросами и мать, и сестру. И они были очень рады, что наконец дошли до дома.

— Ну, вы еще немного поиграйте, а я пойду ужин сделаю, — сказала Зоя Ивановна.

— Мам, скажи, чтобы Надька от меня не убегала с девчонками, — Верка посмотрела на мать, ища в ней защиту.

— Смотри, Надя, ты старшая, не обижай сестру, а то попадет, — подыграла мать малышке.

— Вот еще! Пускай с малышами играет, а то бегаёт за нами, — обиделась Надя. Так оно и случилось. Надя убежала с девочками от Верки, и та стала бродить возле дома. Вышла на площадь. И вдруг Верка увидела отца. Он шел по площади с какой-то женщиной. Девочка не поверила своим глазам. От радости она подпрыгнула, расправила ручонки и с криком бросилась навстречу отцу.

— Папа, папочка, — зазвенело над площадью.

Володя остановился. Увидел радостную дочь, которая не бежала, а летела к нему. Быстро повернулся, взял женщину под руку, и они стали удаляться от девочки. Верка старалась их догнать, но маленькие ножки не могли справиться с этим. Она уже не смеялась, а громко голосила. Слезы текли по ее пухленьким щечкам. Люди останавливались, смотрели вслед быстро удаляющемуся мужчине. Верка упала, больно ударив колени об асфальт. Но она не чувствовала боли. Она плакала от горя и обиды. Она почувствовала, что сильные руки подняли ее. Сквозь слезы она увидела мужчину. Он сел перед ней на корточки, лицо его было сосредоточенным. Он посмотрел на разбитые колени девочки. Вынул носовой платок, разорвал его надвое и стал перевязывать им раны.

— Это что, твой папа? — спросил он, не прекращая перевязку.

Верка сумела только кивнуть головой.

Больше мужчина ни о чем ее не спрашивал. Он взял девчушку на руки, и они очутились в магазине, где он купил ей много сладостей.

Затем они долго ходили по магазинам, просто гуляли и о чем-то непрерывно разговаривали.

Когда вечером он привел Верку домой, Зоя Ивановна бросилась к ней, прижала к груди.

— Ну, где ты была, доченька, я чуть с ума не сошла?

Мужчина тихо коснулся пальцем губ. Зоя Ивановна поняла этот жест и перестала расспрашивать дочь. Верку вымыли, накормили и уложили спать. И только тогда, когда девочка заснула, мужчина все рассказал матери.

Зоя Ивановна приняла боль дочери, как свою. Нет, этого она Волюде никогда не простит.

Утром она повела девочек в садик. Обычно говорливая Верка молчала. Она промолчала даже тогда, когда мать заплетала ей тоненькие косички, как бы, между прочим, сказала:

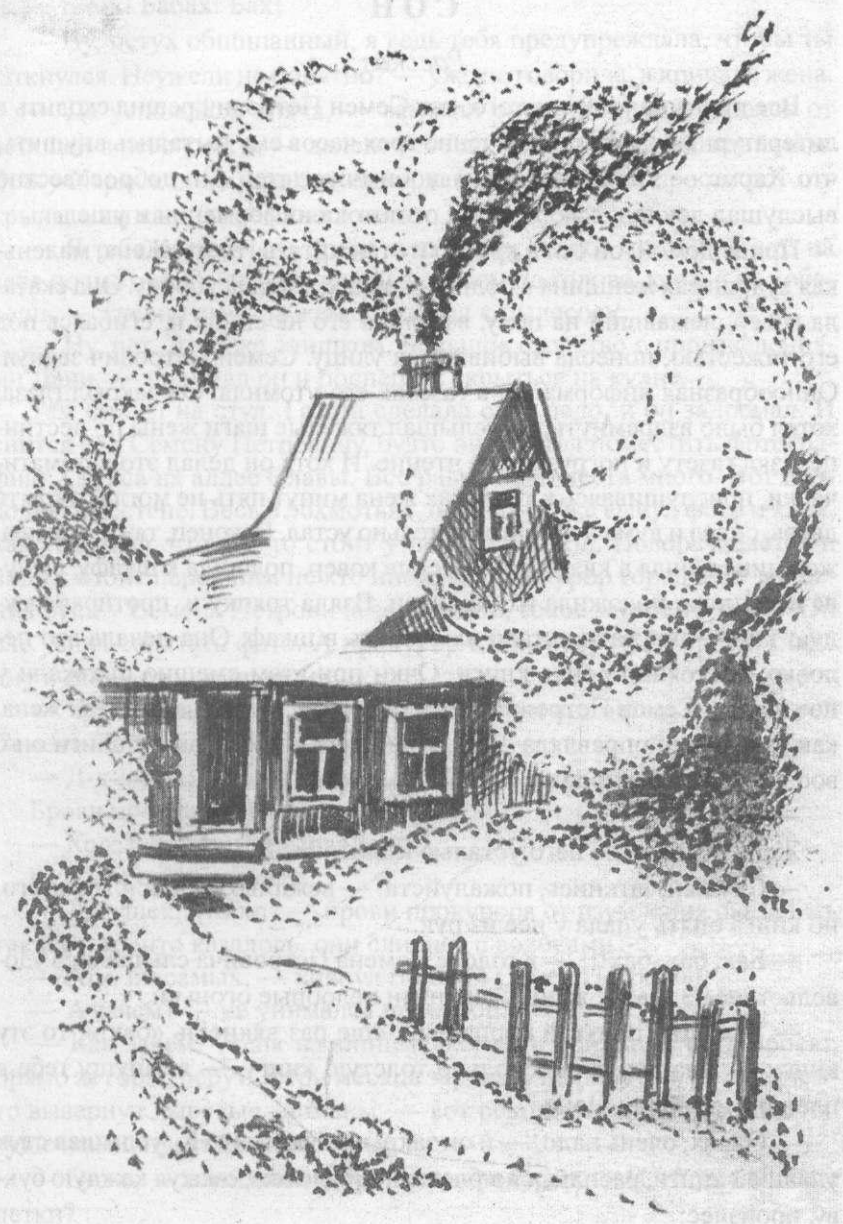
— Вчера приходил папа, когда ты спала. Он сказал, что очень спешил, поэтому не смог подойти к тебе. Просил передать тебе, что он тебя очень любит.

Надя пыталась разговорить Веру, но та так и не проронила ни слова. В садике она была молчалива и задумчива даже тогда, когда Витька стал ее дразнить и на всю группу заорал:

— Я ведь говорил, что ты вруша. И папа тебя не любит, и вчера за тобой не пришел потому, что ты ему не нужна!

Верка и тут промолчала, лишь крупные слезы тихо потекли с длинных ресниц девочки. Ее не обрадовало даже то, что Алла Ивановна поставила Витьку в угол и долго его ругала.

После этого Верка никогда не вспоминала об отце. И только иногда, когда за детьми приходили отцы, в глазах девочки на мгновение вспыхивали огоньки и гасли где-то в глубине души. Витька тоже перестал ее дразнить, то ли от того, что его воспитатели очень ругали, то ли от того, что родители ему дали хорошую взбучку, только после этого он приносил ей то яблоко, то конфетку. Больше никогда Верка никому не доказывала, что ее папа самый сильный, самый добрый, самый лучший и что он ее очень любит...

С О Н

Рассказ

Все произошло после того, как Семен Петрович решил сходить в литературный клуб, где в течение трех часов ему пытались внушить, что Хармс — это самородок и любимчик детей. Он добросовестно выслушал доклад, вскоре устал от потока информации и ушел.

Придя домой, он сел в кресло и стал читать газету. Жена, маленькая худощавая женщина в больших очках, затеяла уборку. Она скатала ковер, лежавший на полу, взвалила его на спину и, сгибаясь под его тяжестью, понесла выбивать на улицу. Семен Петрович зевнул. Однообразная информация в газетах его утомила. Он закрыл глаза, хотел было вздремнуть, но услышал тяжелые шаги жены по лестнице, взял газету и погрузился в чтение. И хотя он делал это автоматически, прислушиваясь к тому, как жена минут пять не могла открыть дверь, сидел и думал, как он смертельно устал. Наконец, тяжело дыша, женщина вошла в квартиру. Бросила ковер, подошла к шкафу, вынула все книги, положила их на диван. Взяла тряпку и, протирая каждую книгу, аккуратно стала их ставить в шкаф. Она делала это неловко, постоянно роняя книги. Очки при этом смешно съезжали у нее на нос. Семен Петрович с интересом наблюдал за тем, как жена, как заводная, поправляла очки. При очередном падении книги он с воодушевлением произнес:

— Бах!

Жена подняла на него усталые глаза.

— Слушай, заткнись, пожалуйста! — вежливо попросила она его, но книга опять упала у нее из рук.

— Бах, бах, бах!!! — в голосе Семена Петровича слышалось удовольствие. В глазах жены сверкнули недобрые огоньки.

— Если ты, попугай паршивый, еще раз вякнешь «бах!», то эту книгу, — она подняла довольно толстую книгу, — я запущу тебе в плешистую голову. Понял?

— Ох, ох, очень надо, — и он закрылся газетой. Но, услышав стук упавшей книги, расплылся в блаженной улыбке, смакуя каждую букву, произнес:

— Б-а-х! Бабах! Бах!

— Ну, петух общипанный, я ведь тебя предупреждала, чтобы ты заткнулся. Неужели не понятно? — уже не говорила, а кричала жена.

— Да успокойся, кляча, — замахал он руками, увертываясь от летящей в него книги, — далеко тебе до интеллигентной женщины. Вон у Хармса подобная ситуация, так там женщина просто рот открыла, а ты как из дремучего леса.

— Я тебе покажу «из дремучего леса», индюк лысый! Ты-то на себя посмотри. Сейчас стукну пылесосом по голове, костей не соберешь, — гневно сказала жена, подходя к пылесосу.

— Ну, нет. Это уже слишком. Большое сходство с произведениями Дани, — подумал он и поспешил скрыться на кухне.

Там он сел на стул. Газета сделала свое дело, и он задремал. И снится сон Семену Петровичу, будто он захотел поместить фотографию Хармса на аллее Славы. Все равно ведь места много. Вот подходит он к стене. Весь в лохмотьях, босиком. Уже вынул фото и клей, как услышал, что кто-то стоит у него за спиной. Поворачивается и видит: стоит перед ним не кто иной, как прокурор города. От волнения руки у Семена Петровича задрожали, голос застрял в горле. Он еле успел спрятать фото. А прокурор сдвинул густые брови, глядя ему в глаза, строго спросил:

— Что Вы здесь делаете, господин? — и внимательно осмотрел Семена Петровича.

— Д-д-д-д-а... я этих, как их... ловлю.

Брови прокурора поползли вверх.

— Кого? — поинтересовался он.

— Да тех, кто квакает.

— Лягушек, что ли? — брови прокурора от изумления оказались так высоко, что казалось, они слились с волосами.

— Ага, их самых, — кивнул головой Семен Петрович.

— А зачем? — не унимался прокурор.

— Как зачем? Жена на минималке, дети сопливые есть просят, прямо за горло берут. Я три месяца зарплату не получал, — он зачем-то вывернул дырявые карманы, — вот решил побаловать семью лягушечками, пускай полакомятся.

— О-о-о, — понимающе произнес прокурор. — И что, маленькие детки?

— Да, совсем несмышленные. Младшенькому — 22, а старшенькому — всего 18, — зачем-то пояснил он.

— Да, маленькие, — в глазах прокурора блеснули слезы. — Ладно, лови, — сказал он и ушел. Осмотревшись, Семен Петрович быстро приклеил фото, облегченно вздохнул. И вдруг увидел, что рядом с ним стоит сам Даня Хармс. В одной руке он держал нож, в другой — большую палку, которой размахивал над головой.

— Расскажи-ка сказку, а то как дам тебе по голове, — неожиданно то ли попросил, то ли потребовал Хармс. Семен Петрович сморщил лоб, вспоминая сказку Дани.

— Ну, жили-были король и королева, — начал он.

— Так, знаю, — перебил его Хармс, — ты мне только скажи, чем у меня этот мордобой закончился? — поинтересовался Даня.

— Как чем? Думаю, в реанимации твои король и королева лежат.

— Что, оба? — почесал затылок Даня.

— Да ты сам вспомни: они дрались у тебя и стулом, и столом, и шкафом.

— Да? — удивился Хармс. — И что, они жили долго и счастливо потом и умерли в один день?

— Да, как же! Они скончались, так и не придя в сознание, а вот насчет того, в один ли день, — Семен Петрович подумал, — думаю, что в один. Ты сам посуди: после таких травм долго не протянешь.

— Какой ужас... Неужели это все я придумал?

Даня стал грустным.

— Да не переживай. Зато ты первый криминальный сказочник. Ведь вряд ли до тебя в сказках так били женщин.

Даня слушал, печально качая головой, затем, взмахнув рукой, сказал:

— А как хочется хорошенько стукнуть тебя по голове!

Семен Петрович отстранился от Хармса. Голова больно ударилась о стенку и... проснулся.

Жена в комнате заканчивала уборку. До него долетели ее возмущенные слова:

— Вот осел. Я покажу тебе — недостаточно, видите ли, я для него воспитанная! А сам-то давно в зеркало смотрелся?

Семен Петрович закрыл уши руками.

— Боже, как прав Хармс. Убить эту бабу мало, — подумал он.

Д. Герасович
15 НОЯБРЯ 1949

ВЯЧЕСЛАВ КОРЫТКО

*С блокнотом и ручкой,
всегда — налегке,
Дорожную пылью припудрен,
Чтоб завтра могли
прочитать в «Маяке»
Все главные новости будней.*

Эти строчки, написанные Вячеславом Корытко, автобиографичны. Многие годы отдал он газетной работе. Неоднократно удостоивался журналистских премий. Наряду с газетной прозой В. Корытко пишет стихи, которые публиковались в периодической печати.

ШПАРГАЛКА

Рассказ

Ирина уверенно вошла в хорошо освещенное солнечным светом помещение, где абитуриенты держали экзамен по физике, и приблизилась к столу, за которым сидел мужчина с усталыми глазами. Перед ним белели, словно солнечные зайчики, узкие бумажные листочки, а сам он просматривал какой-то журнал.

Ответив на приветствие Ирины, экзаменатор отложил журнал в сторону, записал фамилию вошедшей и указал на листки:

— Берите, пожалуйста.

— Билет номер семь.

— Хорошо. Дерзайте! — привычно напутствовал ученый муж.

Ирина села за стол позади тех, которые были заняты четырьмя молодыми людьми. Проходя мимо них, она обратила внимание на блондинку с пышной прической. На ее лице проступили красные пятна, взгляд панически блуждал по тексту билета. «Нелегко девчонке», — мысленно посочувствовала ей Ирина и ощутила какой-то холодок беспокойства. Сосредоточенно прочитав вопросы билета, Ирина ус-

покоилась: ответы на них для нее не представляли особого затруднения. Она основательно готовилась к экзамену, у нее была отличная память. Ирина быстро заносила на бумагу ответы на вопросы по теории, на что ушло не более десяти минут. В это время за столом перед экзаменатором сидела та самая блондинка, которой она сочувствовала. Решая задачу, Ирина слышала доносившиеся до ее слуха отдельные слова отвечающей девушки. Видимо, сильно волнуясь, она говорила сбивчиво, неуверенно.

Услышав шаги, Ирина взглянула на уходящую из аудитории блондинку. По опущенной голове с рассыпавшимися прядями волос, неровной, словно надломленной, походке Ирина поняла: девочка «провалила» физику. Это обстоятельство подействовало на ее внутренний настрой, внеся в него нотки сомнения. «А правильно ли я решаю задачу?» — тревожно вдруг пронеслось в ее голове. — Может, эта не та формула? Да нет же, все правильно», — успокаивала себя Ирина, еще раз проверив решение задачи. Но какой-то бесенок ей шептал: «Сомневаешься? Так в чем дело? Ведь есть другой более надежный способ проверки. И ты знаешь какой...».

Идя на экзамен, Ирина прихватила с собой исписанные мелким почерком листки, упрятав их в укромные, но доступные при определенной ловкости рук места одежды. И сейчас, с сознанием недопустимости до степени совершаемого преступления, она пыталась определить, где упрятана необходимая ей шпаргалка — в рукаве кофточки с манжетами или там, под юбкой. Пока она соображала место нахождения нужной ей записки, к столу экзаменатора подошел подготовившийся к ответу очередной абитуриент. В это время Ирина, определив место тайника с ответом на ее билет, стала осторожно извлекать его на свет божий, не сводя при этом глаз с экзаменатора, который, как ей казалось, всецело был поглощен приемом экзамена у молодого человека. Но Ирина ошиблась. Пробегая глазами бисерные строчки на листках, сложенных гармошкой, уже лежащих перед ней на столе, Ирина не заметила, как к ней подошел экзаменатор. Она это поняла только тогда, когда увидела перед собой на разложенных бумагах мужскую, с припухшими пальцами руку. Это был конец. Кровь ударила ей в виски, залило краской лицо, все тело мгновенно покрылось испариной, хотя в помещении не было душно.

«Что теперь я скажу родителям, сестре, мужу? Что провалилась на экзамене по глупости?» — с ужасом подумала Ирина. Не говоря ни слова экзаменатору, она стала быстро собирать со стола бумаги, чтобы позорно бежать.

— Подождите, не уходите! — повелел вдруг разоблачитель и удалился к столу, чтобы продолжить прием экзамена у курчавого парня.

«Что это значит? — несколько оправившись от потрясения, мучительно размышляла девушка. — Может быть, он хочет публично поставить меня к позорному столбу, чтобы другим не было повадно? А если это так, то что же еще?» — терялась в догадках Ирина.

Она шла на вступительный экзамен, надеясь сдать его на «отлично». Только такой результат освобождал ее от сдачи экзаменов по другим дисциплинам и давал право на зачисление в ВУЗ вне конкурса как обладательнице «красного» диплома техникума. Но теперь...

Пока она, поникшая, сидела в ожидании своей, как ей казалось, уже предрешенной участи, мысли путались в ее голове, в ушах гудело, словно в потревоженном улье.

— Крылова, идите сюда!

Ирина, как во сне, подошла к столу экзаменатора.

— Вы закончили техникум с отличием? — спросил он, пытливо уставившись усталыми глазами в бледное лицо молодой женщины.

— Да.

— Как правило, выпускники техникумов преуспевают в учебе в институте. Особенно отличники. Надеюсь и вы... — не закончив фразы, он приказал, — берите билет! Ирина от неожиданности опешила и несколько секунд стояла окаменело, пока из этого состояния ее не вывел ободряющий голос: «Берите же!». Как в прострации, она взяла первый попавшийся под руку листок. Назвав номер билета, Ирина некоторое время держала его перед собой, все еще не веря в реальность происходящего. Но это была действительность, дававшая шанс жертве нелепого случая в честном поединке «кровью» смыть свой позор. И с этой бойцовой решимостью к ней вернулись спокойствие, уверенность, ясность мысли. Без предварительной подготовки Ирина стала отвечать на вопросы билета. Потом «расщелкала», словно семечки, «подсыпанные» ей дополнительные вопросы, в

том числе и те, что содержались в ее первом билете. Все это время лицо экзаменатора не покидало выражение недоумения. Закончив наконец пристрастную проверку знаний, он спросил, скорее у себя, чем у нее: Зачем вам понадобилась шпаргалка? Не могу понять. У вас прекрасные знания предмета. — И не дождавшись от нее ответа, находившегося для обоих в области необъяснимости, объявил результат.

— Отлично!

* * * * *

Возраст женщины условный.
Не считай ее года.
Женской прихоти угодно
Слышать: Как ты молода!
Как мила! И как прекрасна!
Как к лицу идет наряд!
Повторяйте ежечасно:
Комплименты — не напрасны —
Дамам головы кружат.
И прячут они в мечтаньях
От таких приятных фраз.
В них надежды, ожиданья,
Словно в первое свиданье,
Возрождаются тотчас.
Чудодейственной нет силы,
Чем живого слова власть,
Но в словах красноречивых
Не должно быть нот фальшивых,
Чтоб не стала горькой сладсть.

ЗНОЙНОЕ ЛЕТО

Воздух неподвижен, и горяч, и сух.
Как в огне, от зноя выгорает луг.
Даже в поймах речек и в близи озер
Выжигает травы солнечный костер.

Обмелели реки, сблизив берега,
И, как льдинки, тают в сини облака.
Соберутся тучки, прогремят вдали,
Но дождя на землю так и не пролив.
Зелень, все живое истомилось ждать,
Снизойдет ли с неба божья благодать.

ДОЖДЯ ЖИВИТЕЛЬНЫЕ КАПЛИ...

На небе туча грозовая
Затмила солнца яркий лик.
На землю пала тень густая,
И день от сумрака поник.
Все присмирело, все притихло,
Пока не дрогнуло вдали...
И вот несется ветер вихрем,
Деревья клонит до земли!
Сверкнула первая зарница —
Сигнал: небесный начат бой.
Раскатный гром, как колесница,
По деревянной мостовой.
Порывы ветра вдруг ослабли,
И клубы пыли улеглись...
Дождя живительные капли,
Сливаясь в струи, полились.

ВЕСНА

Страхнув зимы оцепененье
Приливом света и тепла,
Весна порывом обновленья
Сердца надеждами зажгла.
Умывшись после сна, природа
Ликует, свежестью дыша.
Бездонной синью небосвода
Любви распахнута душа.

* * * * *

Чарует вешних вод игра.
Река — в безбрежном устремленье.
Повсюду слитки серебра
Под солнцем плавают весенним.
Все под водой: поля, луга,
И моет ноги лес прозрачный,
Как шлемы воинов, стога
И вдалеке поселок дачный.
Все в окруженье вешних вод,
И солнце в них, и небосвод.
Разлив не признает границ,
Смывает берегов отметки.
Простор пьянит как небо птиц,
Освободившихся из клетки.
Вот так в весенние года
Несет нас жизнь избытком чувства,
Бурлит, как вешняя вода,
В волнах счастливого безумства.

ОСЕНЬ

Узоров дивные сплетенья
Листвы закатной на ветвях
Горят янтарно в день осенний
В нежгучих солнечных лучах.
Березы, клены и осины
В лесных чертогах, на яру
Как будто разожгли камини,
Чтоб не продрогнуть на ветру.
Их пламень красок душу греет
И завораживает взгляд.
День убывает — свет слабеет,
И блекнет осени наряд.

* * * * *

Метлы шаркают: шарк да шарк,
Заметая осеннее золото,
Что чеканят и скверы, и парк,
И кусты, и деревья города.
И куда бы ни бросил ты взор,
На дорогах оно и под окнами...
Чем тебе не монетный двор,
Если слитки падают под ноги?

ХУДОЖНИК

Светлой памяти И. И. Юденка

Открой или закрой глаза,
Тот свет в душе не меркнет:
Сияет вечная краса
В творениях бессмертных.
Перед распахнутым окном —
Цветов благоуханье,
Их аромат струится в дом
И свежесть утром ранним.
А вдалеке летит, как вихрь,
Табун коней ретивых.
Запечатленный жизни миг
На полотне — как диво.
С душой отзывчивой к живой
Неповторимости в природе
Художник мастерской рукой
Ее черты выводит.
Цветы, березовый рассвет,
Славянский лик мадонны...
И верится: любой сюжет
Картин писал влюбленный.
Открой или закрой глаза,
Тот свет в душе не меркнет:
Спасает мир его краса,
Что неподвластна смерти.

ВОЙНА В ЧЕЧНЕ

Не проходит ни дня, чтобы Грозный, Чечня
Не вонзались в сердца нам кроваво.

Сколько будет еще эта длиться война,
Покрывая позором державу?

Не проходит ни дня без убийств и огня,
Без терактов и артобстрелов.

Кто же скажет, а чья в том вина;
Что погрязла страна в беспределе?

Не найти, не сыскать виноватых —
Сатана замечает следы.

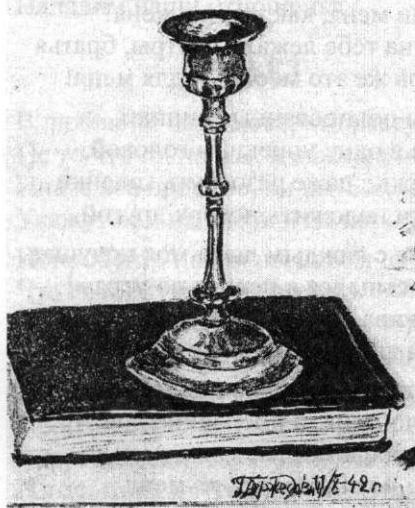
И в Чечне гибнут наши солдаты,
Чьи-то внуки и чьи-то сыны.

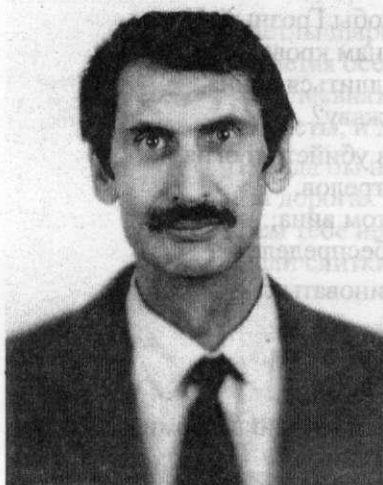
А не ты ли, Россия, своей грудью вскормила
Кровожадные банды Чечни?

Вы спросите у тех, кто стоит у кормила,
Кто виновник позорной войны.

Не найти, не сыскать виноватых —
Их Москва замечает следы

И в Чечне гибнут наши солдаты,
Наши внуки и наши сыны.

**АНДРЕЙ
КОЧЕТОВ**

Родился в г. Наволоки. Писать стихи начал в 14 лет. Окончил МГИК по специальности клубный работник, режиссер самодеятельного театра. В настоящее время работает в городской библиотеке в музыкальном отделе.

ОТКРОВЕННОЕ

Любовь моя, прими меня в свои объятия,
Прими меня, как верная жена!
Ведь на тебе лежали сестры, братья
Теперь же это место — для меня!

О, эти полированные спинки,
Когда в одну упрушься головой,
То можно даже разогнуть коленки
И ноги положить поверх другой.

Худела с каждым днем моя подушка.
Я просыпался в перьях по утрам!
Она жива, жива моя подружка,
А чем жива — не знаю даже сам.

И желтое с печалью покрывало
Влекло меня, и посредине дня
Я на тебе ложился в чем попало,
Но ты не обижалась на меня.

Прощаю все и то, как ты скрипела,
И то, как развалилась подо мной
Быть может, колыбельную мне пела,
А может быть, смеялась надо мной.
Тебя люблю я всей своей душою
Тебе готов я ножки целовать
Ведь каждой ночью ты была со мною,
Родная общежитская кровать.

* * * * *

Как много встреч, порой случайных,
Счастливых, радостных, печальных
Готовит жизнь, но лишь одну
Забыть едва ли я смогу.
Сказать нельзя, что я влюбился,
Но я в лице переменялся
Ведь, помнишь, в тот ноябрьский вечер
Тобою был я и замечен...
Ты вдруг домой засобиралась
Тебя мне б надо проводить,
Но ты порвала эту нить.
Забудем все и в час прозренья
Наладим наши отношенья.

СОВЕТ

В любви не надо доверять рассудку —
Не то что ли на час, а даже на минутку.
Иначе все пропало, видит Бог,
Укажут вам на дверь и на порог.
Попробуйте потом вы делом доказать,
Что голову готовы потерять
Забыть про всех своей любимой ради
Светланы ли, Татьяны или Нади!
Влюбиться сразу лучше без ума,
Произнести заветные слова,
Вдруг намекнуть, что мне без вас не спится...
И только на другой потом жениться.

* * * * *

«Не строй воздушных «замков», — ты сказала.
Ну что же, я готов начать сначала:
Пройти через влюбленность, дружбу и любовь,
Чтоб радостно забилося сердце вновь.
Но надо ли?

АКРОСТИХ

На этот раз я про любовь писать не буду
А ты попробуй вычитать шесть строк.
Тебя, Натаха, я едва ль забуду,
А чтоб забыть, не малый нужен срок!
Хотя четыре года пролетело,
А вот любовь к тебе не устарела.

Шипы характера, вся прелесть юной розы,
И это все мне трудно разлюбить.
Боюсь, однажды вытащу занозы,
И сразу разорвется счастья нить!
Ему, сопернику, конечно, повезло.
Ведь он меня значительно моложе.
А я тебя люблю ему назло.
Ты мне, любимая, дороже!

* * * * *

Снился замкнутый круг —
Очевидно злое пророчество!
А проснулся — вокруг
Ни друзей, ни подруг —
Одиночество!

* * * * *

В городе вовсю январь колдует,
Шуршит снегами, холодом бодрит,
А сердце по тебе мое тоскует
Воспоминанье душу теребит.

Изменчив мир и в то же время вечен,
Ты не моя, и я, увы, не твой,
Но я любовью твоею искалечен
И вряд ли буду вылечен другой.

Тебе нанес немало я обид,
Я все такой же длинно не женатый
И только старше, может, стал на вид.

Прости, что наш союз не получился,
И кто виной, не будем разбирать.
Быть может, я с любовью торопился,
А может, ты, что заставляла ждать.

Вот в городе во всю январь колдует,
Шуршит снегами, холодом бодрит.
А сердце по тебе опять тоскует,
Воспоминанье о тебе хранит.

* * * * *

Жду с томлением субботы,
В голове — мечты:
В дверь мою вдруг стукнет кто-то,
Я открою — ты!

Вот так праздник! Вот так счастье
Будет у меня!
И услышу я на «здрасьте!»
«Здравствуй, это я!»

А ресницы все в снежинках
Тающих блестят,
На губах твоих смешинки
Хрусталом звенят...

Вот уже прошла суббота,
Вместе с ней мечты.
В дверь мою стучался кто-то,
Только жаль, не ты!

ВАЛЕНТИНА ТЮТЮННИК

Родилась в Новозыбкове. Трудное и суровое время выпало на долю ее детства – война. Но это не мешало ей при любых обстоятельствах развивать свои творческие способности. Всю свою жизнь Валентину Дмитриевну влекло творчество. Писать стихи стала совсем недавно. Печатается в местных периодических изданиях.

ЦЕНТР «РОДНИК»

Я расскажу про центр «Родник».

Открылся он недавно,

Есть краевед и прикладник,

Певица, как ни странно.

Приют нашли в библиотеке —

Прекрасный зал искусства

Спешат и взрослые, и дети —

Здесь не бывает грустно.

Здесь живопись по смене года:

Пейзаж, этюд, портрет,

На фоне сказочной природы

Стихи прочтет поэт.

ДЕРЕВНЯ

Слышу шорох листьев под окном
Ветхого заброшенного дома.
Умерла березка, высох клен,
И у дуба почернела крона.
Здравствуй, моя юность, здравствуй, сад!
Здравствуйте, поля и косогоры!
Почему красоты все молчат?
Не пойму, чего отводят взоры?
Притаилась, с трепетным волненьем
Всматриваясь вглубь в который раз,
Соловья не слышу с его пеньем,
И в окошках свет давно погас.
Шелестят листвою мне деревья,
С болью в сердце ухожу от них,
Не грусти, вернусь к тебе, деревня,
Не могу я жить в краях чужих!

* * * * *

Люблю январь, что он морозный,
Февраль за то, что мало дней.
Люблю, когда скрипят полозья
Чуть подуставших лошадей.

Весенний март — за женский праздник,
Апрель люблю за водопад,
А жаркий май, что он, проказник,
Манит к себе, чаруя взгляд.

Июнь люблю, что в нем рожденье,
Люблю июль, что он красив,
И август, с птичьим его пеньем,
Полей, лугов цветной массив.

Сентябрь люблю за дар природы,
Октябрь — за золото листвы,
Ноябрь люблю за непогоду,
А в декабре родился ты.

* * * * *

В неге купается утро,
Роса омывает листок,
Солнца не видно как будто,
Но все ж появился цветок.

Он рос, чтоб его поливали,
Он цвел, чтобы счастье дарить,
Но люди цветочек стоптали —
Им нравится в жизни чудить.

Деревья, растенья, как дети,
Ласкаются к нашим ногам.
Любите вы их на рассвете,
И радость придет в душу к вам.

* * * * *

Залетела в сердце мне снежинка,
Сразу не заметила ее,
Прижилась. Образовалась льдинка,
Сердце заморозила мое.

Встретилась любовь. Она не хочет
Капельку мне счастья подарить,
Чувствую: в груди, как камень точит,
Не могу я льдинку растопить.

Безразлично, радость или гнев,
Как-то это все не замечаю.
Всех повес и одиноких дев
Я холодным взглядом провожаю.

ГЛАЗА

Сколько в жизни звезд мелькало,
Сколько было глаз.
Все дождями размывало —
Не встречала Вас.

Встретить бы глаза-сапфиры,
Можно с бирюзой,
Управляли чтобы миром,
Не были ханжой.

Ну, а сердце чтоб стучало
Плавно, как часы,
Чтоб одну меня любило,
Звало в мир мечты...

Не найти такого сердца,
Не найти тех глаз.
Я Вас жду, и Вы поверьте —
Не могу без Вас.

* * * * *

Любимой быть или казаться
Хотелось женщине всегда,
Романсы петь и наряжаться,
Отбросив возраст и года.

Спешить летящею походкой
На каблучках или без них.
Самой себе признаться робко:
Я не похожа на других!

Ладони к солнцу поднимая,
В пространство синее смотреть,
И повторять: «Да, я такая!
Могу любить, мечтать, гореть».

Остаться нежной до рассвета
От дуновенья ветерка.
Благодарить мгновенье это
И вспоминать его слегка.

* * * * *

Мне холодно даже в жару
Любимой хочу я казаться,
Тебя постоянно ищу
И жизнью хочу наслаждаться.

И тяжело, и горько одной,
Всегда от людей я скрываю
О том, что я плачу порой
И поздно одна засыпаю.

* * * * *

Люблю домашние цветы,
Особенно цвет розы.
Люблю, что их дарил мне ты,
Лаская сердца грезы.

Цветы лелеяла всегда
И поливала в меру,
Но час пришел раз навсегда
Я потеряла веру.
Сама я бросила цветок,
Ему-то все равно,
И этот брошенный росток
Засох уже давно.

МАРИЯ МУХИНА

Родилась в г. Новозыбкове. Окончила гимназию, в которой посещала поэтический клуб «Пегас», и во многом благодаря Надежде Александровне Щипакиной утвердилась как начинающая поэтесса. Пишет стихи с восьми лет. Печатается в местных периодических изданиях, есть публикации в Тюменской областной газете. В настоящее время студентка четвертого курса НФ БГУ.

А небо хмурится не потому ль,
Что снова ты в кольцо закован,
Что снова мне венец дарован
Пробитый сотней мелких пуль?
А город тот — он мне дороже
Всех наших трех воспоминаний.
Из двадцати семи желаний
Ты девятнадцать выбрал все же.
Но счастье зыбкое залито
Томатным соком оправданий,
Для тайно-мелочных свиданий
Моя душа всегда закрыта.
А я всю искренность — наружу,
Я даром отдавала нежность,
Но получала только снежность
Лишь потому, что ты мне нужен.

* * * * *

Утро ударило криком в окно,
Снова кровать — пустыня
Черное, старое крутят кино,
Немое оно отныне.

Кажется, мячиком бьют по вискам
Соседи квартирой выше.
Не верю я больше желтым листам,
Слетевшим с соседней крыши.

Я краешком глаза увидела пыль,
Точнее, увидеть пыталась.
В пустыне мой путник меня забыл,
Но я за него раскаюсь.

* * * * *

Агатовый перстень блестит у обочины,
Люди и судьбы, как в блеске, скорчены
И словно спираль в обрывах закручена,
Венера больна, зелена, измучена.

Брут улыбается в изнеможении,
Кажется, кается всем в нетерпении
Почерк, проваленный в стол вливается —
Реальность с мечтою порой сливаются.

Услужливый ветер несет могущество,
А солнце — твое и мое имущество,
Дележ пополам и в вуаль закутанный
По городу бродит Закон запутанный.

* * * * *

Не ищи меня — я давно ушла,
И прошло уж немало лет,
У моей любви только два крыла,
У твоей любви крыльев нет.

Не жалею о том, что давно прошло,
Не грусти, что могло бы быть,
Для твоей любви все белым-бело,
А моей — только в сердце ныть.

Не зови меня, я не слышу стон,
Мой в две тысячи раз сильнее,
У твоей любви очень крепкий сон,
Не бывает снов у моей.

Не стучись ко мне, моя ночь темна,
И давно уж погашен свет
Мне твоя любовь как глоток вина,
Ни вреда, ни пользы в нем нет.

* * * * *

Согласен быть моим рабом,
Согласен быть ручным зверьком,
Согласен быть моим шутом,
Моим слугою и пажом?

Согласен руки целовать,
Согласен боль мою забрать,
Согласен по ночам не спать,
Моим желаньям потакать?

Согласен жить моей судьбой,
Забыть и радость, и покой,
Быть мне защитною стеной?
Тогда, любимый, будь со мной.

* * * * *

Не плачь моею болью,
Не говори со мною
И не кажись любовью
Осеннею порою.

Не стой спиною к счастью,
Не жди мои невстречи,
Не будь мне грешной страстью
И холодом предплечий.

Будь мне минутной негой,
Забывтым предсказаньем,
Лучом на талом снеге
В счастливый миг свиданья.

* * * * *

Голос твой не мне,
Знаю, что я вне —
Вне твоих шагов,
Вне ночных звонков,
Вне закрытых глаз,
Вне лукавых фраз
Мне стихов не лей —
Я за гранью дней
Не во власти грез,
Под вуалью слез
Вне твоей любви
Милой не зови.

РОЗА

А роза остра и спесива,
И я за нее не в ответе
Я тоже горда и красива,
И солнце обеим нам светит.
Я розу в хрусталь опустила,
Но вижу, что здесь ей не место
Какая-то страшная сила,
Меня превратила в невесту.
Зарок на любовь эта роза
Три дня — и погибла в неволе,
Надменная, гордая поза
Предсмертной насмешки и боли.
Я тоже остра и спесива
И солнце обеим нам светит,
А роза погибла красиво —
Никто за меня не в ответе.

* * * * *

Капли стекали ручьями с окон,
Капли стекали и падали на пол,
Капли рождались в оконной раме
Не от дождя, не от снега — сами.

Вниз — образуя лужи и слякоть,
Капли меня не заставят плакать,
Однообразие звука-стука —
Падала об пол моя разлука.

Сыростью пахнет и пахнет болью,
Я распрощалась с вечною ролью,
Падают капли, стекая в лужи,
Даже прощенья мне не нужно...

ВАДИМ ФЕЛЬДМАН

Родился в г. Новозыбкове. Окончил гимназию, НФ БГУ. Стихи стал писать очень рано. Печатается в периодической прессе. В настоящее время уехал в Германию на постоянное место жительства.

Раньше было так —

На двоих одна,

И бокал вина

Превращался в такт...

Но она не шла

И свои уста

Отдавала снам,

Как полям луна.

Трелью на заре

Отвистела тьма,

И рождались сны

В одиноком дне...

А теперь не то —

Унеслась весна

Только без икон,

Голосами фей.

* * * * *

Мечты у корабля
Лишь плод простых идей
И вместо должностей
Дают им якоря.
Мечту роняют зря
В излучины огней,
Купаясь вместе с ней
Там, где горят моря.

* * * * *

Падали звезды —
Небо одно.
Если ты взрослый,
То повезло.
Полная воля,
И без конца
Нету свободе,
Видно, лица.
Хочешь схватиться
За обода,
Не было ритма
Жизнь как вода.
Падали звезды
Ярче, чем снег,
Вспышкам влюбленных
Омута нет.
И на остатке яркой зари
Могут гореть твои огни.

* * * * *

Двое танцевали у вокзала,
День багряно-темный уползал...
И она приказ ему отдала:
Никогда не доверять глазам.

Оба потускнели среди ночи,
Им мешали голосом времен
Те, кто ничего смотреть не хочет,
Те, кто в танце злобен и смешон.

А когда от пристани кричал им
Голос, приказавший перестать,
Он им показался хриплым, вялым,
И они не кончат танцевать...

И в потоке глаз пришедших рано
Таял блик неизмеримо ал.
Двое танцевали у вокзала
Ждали, чтобы вечер их сглодал.

* * * * *

Ни отечества ни народности —
Лишь мечта — ты должна мечтать
И из этой-то безысходности
Я тебя и хочу забрать.

Он не стоит ни зла, ни пения.
Ты сгорела в тени костра...
И от этого отчуждения —
От любви — ты сама ушла.

И несчастное поколение
Возрождалось на небесах
Истребленное отчуждением,
Без надежды и у костра.

СВЕТЛАНА ЛЫСАКОВА

Родилась в г. Новозыбкове. Окончила школу № 2 и поступила в БПИ на факультет иностранных языков. После окончания института работала в интернате для слабослышащих детей воспитателем, затем в школе № 2 учителем. Увлекается поэзией еще с детства, а писать стала недавно. Имеет публикации в местной периодической прессе.

Забыв покой, душа металась,
Обид так много накопив.
Судьба ж, злодейка, упивалась,
Что отняла немало сил.

Бороться и в надежду верить,
На дни на лучшие — невмочь.
И нелегко в себя поверить,
Проблемы трудно превозмочь.

А рядом — дети, рядом — люди,
Которые чего-то ждут.
А в жизни хаос, будни, будни,
Но дни спокойные придут.

Роща вдоль дороги,
Где всегда с тобой
Сок мы собирали
Раннею весной

Нынче те березы
В серебре стоят
Белый, величавый
Новый их наряд.

Подойду неспешно,
Прикоснусь рукой,
Вспомню все, что было
В жизни непростой.

* * * * *

Я хочу насладиться покоем
В тишине, от людей вдалеке,
Где лишь чайки да звуки прибоя,
Где нет места сердечной тоске.

Боль обид так нескоро проходит,
И ушедшего нам не вернуть
Мысли вновь меня к морю приводят
И уснуть мне никак не дают.

* * * * *

Мой друг!
Прости, что поменяла
Твои стихи на прозу дня.
Я без тебя другою стала
Скажи: «Ты не забыл меня?»

Ты помнишь сосны вековые
И небо где-то в вышине,
Цветы-ромашки полевые,
Что приносил когда-то мне.

Мне не нужны гвоздики, розы
И быт заел, и все не так.
Ошибка породила слезы —
Мне не забыть тебя никак.

* * * * *

Позови меня в осень златую,
Подари мне кленовый букет,
Позови меня в осень другую
И прочти свой последний сонет.
Шелестит под балконом береза,
Ветви гнет на холодном ветру.
Нам отпущено времени много,
Ты, как прежде, уйдешь поутру.
Ты уйдешь, чтоб вернуться назавтра
И продолжить волшебный сонет,
Без тебя буду я любоваться
На чудесный кленовый букет.

КАТАШИН

Здесь дышится легче,
Здесь воздух иной,
Здесь лес на пригорке могучей стеной,
Холмы и равнины,
Златые стога,
Здесь создано все для сложенья стиха.
Здесь люди простые,
Здесь ценится труд
И в горе и в радость
Всем «миром» идут.

* * * * *

К хорошему так быстро привыкаем
И о цене не помним иногда,
О самых близких часто забываем,
В сердцах бросаем грубые слова

Прикрой глаза, вернись назад
И вспомни все, что было.
Поймешь, наверное, тогда
Как одиночество постыло.

Как плохо дома, где тебя не ждут,
Где нет ребячьего восторга,
Где беспорядок там и тут,
И ты живешь совсем без толку.

ТРУБЧЕВСК

Маленький, нешумный,
На холмах стоит,
Городишко этот
Так к себе манит.

А под горкой речка
Змейкою блеснит,
С куполами церковь
Прошлое хранит.

Родина вторая —
Милый мой Трубчевск
Я к тебе приеду
Может насовсем.

* * * * *

Белая нежность первых цветов —
Здесь и не нужно каких-либо слов.
Первоапрельский чудесный букет,
Солнцем ласкающим дом наш согрет.

* Н. ЛИЯ

(Наталья Муталибова)

Родилась в г. Новозыбкове. Очень любит свой город. Семья — смысл ее жизни. Они — ее любимые, понимающие люди. Дети выросли, появилось много свободного времени, и Наталья занялась любимым делом — поэзией. Имеет публикации в местных периодических изданиях.

* * * * *

Летать в облаках и по небу кружить,
И падать, и снова над миром парить,
Любить очень страстно и горечь познать,
Себя ненавидеть, но все же летать.
Грустить и метаться, беспомощной быть,
Умом понимать, но а сердцем любить!
Нестись, отдаваться, гореть и сгорать,
Всегда быть счастливой и зло забывать!

* * * * *

Зима красиво началась,
Природа снега не жалела
И вьюга сразу занялась —
Укрыть всю землю повелела.
И снег валит, и снег кружит,
И кажется, его так много,
И за собою так манит
Укрытая зимой дорога.

* * * * *

Моя любовь жива!
Моя любовь живет!
Она во мне ликует и поет.
Ей просто надо наконец-то сбыться,
Принять особый смысл и оживиться.
И заиграть по жилам, как вино,
Хмелящее, бурлящее оно.
И жизнь моя такая —
Таинственная, грешная, святая.

* * * * *

.....
Мне не дано предугадать
Откуда взяться новой боли,
Могу себя лишь умолять
Опять набраться силы воли,
Не плакать больше ни о чем,
Ведь лучшее ушло куда-то.
Все в прошлом... Сзади, за плечом,
И не вернуть его обратно.
Как миг прекрасен! Но порой
Он вдруг становится ужасен.
Всего лишь миг...
И снова — боль!
О, миг один, не будь напрасен!
Боюсь идти навстречу дню,
С тревогой замирает сердце.
Но я должна, я устаю,
И никуда уже не деться!

* * * * *

Вперед иди, хоть труден путь,
Моли о помощи лишь Бога,
Все мелко-злое забудь
И не суди других ты строго.

* * * * *

Мы все по жизни медленно ступаем,
Наивно предвкушая чистоту.
Но жизнь идет, ошибки совершая,
С годами в сердце чувствуешь пустоту.

А может быть, не пустоту, а мудрость?!
И опыт жизненный, и чувства все острее,
И с каждым годом понимаешь: юность —
Она ушла, а жизнь пошла быстрее.

Ее бы взять и задержать немножко,
Продлить чуток, чтоб сделать все дела,
Чтоб в путь вела широкая дорожка,
А все пустое пыль бы замела.

* * * * *

Вся наша жизнь от года к году
Как та капризная погода:
То светом солнечным полна,
А то дождем напоена.

Но все проходит, и в природе
Мы рады всякой непогоде
Лишь потому, что за дождем
Тепла мы с нетерпением ждем.

* * * * *

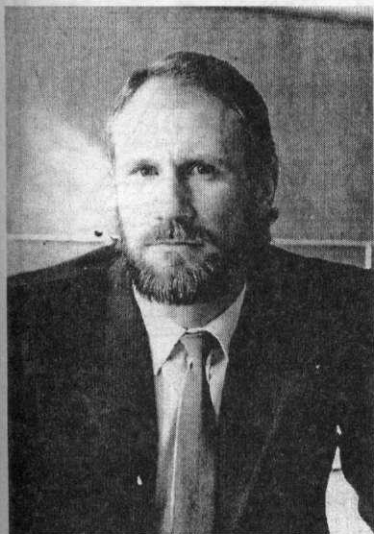
Хочу летать, хочу парить!
Хочу, хочу — я точно знаю.
Я знаю, буду вечно жить!
И это чувство понимаю.

И пусть сегодня я иду,
Ступая медленно, но гордо!
Я знаю: я себя найду,
Найду себя — так мне угодно!

* * * * *

Я буду счастливой —
Я точно знаю!
Не любишь — не надо,
Найдется другой!
Тебе же желаю,
Мой самый ты мудрый,
Любви не за деньги,
Любви, но за боль.

ДМИТРИЙ ТОЛКАЧ

Родился в глубинке брянской земли в д. Федоровка Гордеевского района. С серебряной медалью окончил школу, затем БИТМ, после чего был направлен в г. Новозыбков на завод «Индуктор». Автор 300 рационализаторских предложений. Стихи начал писать еще в школе, выпустил три сборника своих стихов, печатается в периодических местных изданиях.

Когда последний луч растает
На небосводе голубом
И звезды робко замерцают
В очаровании своем —

В ветвях сонату начинает
На птичьем языке своем
Певец любви и умиляет
Всех соловьиным волшебством.

В почтеньи ветер утихает,
И появляется луна
И благодарно освещает
Творца, лишаящего сна.

Берез прически он ласкает
Чудесной песнею своей,
И все волшебнику внимает,
И свет небесный все нежней.

Стоят — не шелохнутся — ивы,
В звучаньи веточки склонив,
Слегка дрожат цветочки сливы,
На землю слезы уронив.

А «виртуоз» все «набирает»
Тональность в воздухе ночном,
И трели щедро рассыпает,
Забыв, возможно, обо всем.

ЮНОСТЬ

В журчанье золотой листвы
Твое дыхание я слышу
И вспоминаю шелк травы
И кружева цветущих вишен.

И лепестков круженье в плен
Игры волос, и их усладу,
И бархат девичьих колен,
Восторг скворцов в безумстве сада,

Охальство солнечных лучей,
Исцеловавших всюду тело —
От ног, от кончиков ногтей
До черт лица под вишней белой.

И стоны тихие, и зов,
И танец рук, и их блужданье,
И душ тональность, трепет слов,
В весне — весеннее желанье ...

И неразлучность даже в снах,
Где мы немислимо порхали
И где в поющих облаках
Сонаты лунные играли.

* * * * *

Родная деревня, с тобой доживают
Последние годы твои старики,
Посильно, как могут, тебя «оживляют»,
И редкие выются печные дымки.

Когда-то была ты уютной, красивой
И дружно жила ты большою семьей,
Годами обильною славилась нивой,
Взращенной заботливой, твердой рукой.

А в сумерках звонкие звуки гармошки
Неслись за околицу в зелень полей,
И весело в избах светились окошки,
И плавно кружил в свете пух тополей.

Нередко по осени свадьбы справлялись,
И жители множились ладно твои,
И в гнездах родных навсегда оставались,
И все создавали там семьи свои.

Но жизнь обошлась так жестоко с тобою —
Кормилицей бывшей могучей Руси!
Теперь в беспросветном и диком запое
Непросто же разум былой обрести!

А кто помоложе, тех совесть не гложет,
В полях запустенье — полынь да бурьян.
Надеемся, что заграница поможет,
Напрасно. Напрасно же верить в обман!

На технике — пьяный... И что он посеет,
И как он посеет и как он пожнет?
В награду за труд свой немного имеет,
И как он с семьею на то проживет?

Родная деревня, тебя подзабыли
Живущие в городе дети твои.
И власти забыли, «законно» стащили
«На смерть» сбереженья у каждой семьи.

И одиноких старух обобрали —
На скудных их книжках был пот многих лет,
И руки не дрогнули. Знали, что крали,
Потом навели на невинных навет.

Родная деревня, ты выживешь, знаю,
Тебя еще можно «всем миром» спасти,
Пока старожилы в тебе доживают,
Без них возрождения не обрести.

А ВЫ МНЕ ПРАВИТЕСЬ, МАДАМ...

А Вы мне нравитесь, мадам,
Хотя Вам лет, увы, немало,
Хоть к Вашим неземным ногам
Букетов множество упало.

А Вы мне нравитесь, мадам,
Хоть знаю я: Вы риф подводный
Для тех, кто так стремился к Вам
Порой душою благородной.

А Вы мне нравитесь, мадам,
Надеюсь я на нашу встречу,
Поверю Вашим всем словам.
И в них лукавства не замечу.

А Вы мне нравитесь, мадам,
И Вас готов вернуть в весну я,
И душу с радостью отдам
За пару Ваших поцелуев.

А Вы мне нравитесь, мадам,
И с каждым годом все сильнее,
Как солнце нравится цветам
За то, что греет их, лелеет.

А Вы мне нравитесь, мадам,
О Вас возвышенно мечтаю,
И к Вашим сладостным устам
Я в нежных грезах припадаю...

ГРОТЕСК

Ты помнишь зимний-зимний вечер,
Что был усеян роем звезд?
Слегка шалил поземкой ветер,
Порою с ней играл всерьез.

Кряхтели от мороза клены,
В избенке пили мужики —
Их там изрядно «змей зеленый»
Спасал до дури от тоски.

А мы стояли у березы,
И хорошо нам было так,
Не замечали жизни прозы,
Мы от нее лишь брали «смак».

На грудь просунув твои руки,
Своей накрывши поскорей,
Шептал тебе такие звуки,
Что ты сияла все нежней.

И осмелевши не на шутку,
Со мною быть просил всегда...
Лукаво помолчав минутку,
Ты мне сказала мудро: «Да»...

* * * * *

На рождество растаял снег,
Зима слегка дождем всплакнула —
На новый двадцать первый век,
Природа мачехой взглянула.

И оголенная земля,
Водой налитая вволю,
В недоумении. Поля —
Попали к слякоти в неволю.

Кустам, деревьям невдомек,
Что это лишь каприз природы,
Что лопнут почки их. Не в срок,
Как преждевременные роды...

Вот так и мы порой обман,
В потоке чувств узнать не можем,
Страдаем от душевных ран,
Хотя для тех, кто осторожен,
И только именно для тех
Обман как снег, как этот снег...

* * * * *

И снова снег печально тает.
И снова хлюпает зима.
И с неба быстро исчезает
Светило. Наплывает тьма.
И тихо под окном вздыхает
Береза, ветви оголив,
И сразу вверх по ней порхают
Пичуги, хлеб не поделив.
И снова птичек жадным взором
С балкона пожирает кот...
И вновь интимным разговором
В страну любви меня зовет,
Вчера еще совсем чужая,
Славянка — «подиум» для шуб,
Почти как прежняя... И таю
Я в воркованье нежных губ.

* * * * *

Мы истребляем белых лебедей,
Свои, чужие растлеваем души,
Идеи лжепророков и вождей,
Как истину, внимают наши души...
Лишь в Вере есть спасение людей
И будущее всяких лебедей.

* * * * *

Он был их выше... Выше и остался,
Когда терпел невежественный вздор,
Когда их униженьям подвергался,
Когда мученья застилали взор,
Когда и чернь и знать «Распни!» кричали.
Им почему-то было невдомек,
Что не в него неистово плевали —
В самих себя плевали, видел Бог.

ЕВГЕНИЙ МОСЯГИН

Родился в г. Новозыбкове. Тяжелое время выпало на время его юности – война, оккупация, угон в Германию, побег, партизанский отряд. Всегда и везде спасали стихи, да увлечение живописью. Сейчас Евгений Потапович живет в Москве. Имеет множество публикаций в стихах и прозе.

Я молился бы всякому Богу,
Поклонился бы я Сатане,
Я б осилил любую дорогу,
Если б только ты встретилась мне.

Я б нерусскому, черному джину
На своей присягнул бы крови,
Если б смог он меня как мужчину
Осчастливить успехом в любви.

Я бы отдал на вечные муки
В судный день свою жизнь палачам,
Лишь бы только теперь твои руки
Обнимали меня по ночам.

Я клянусь, когда сердце остынет
И махнет мне мой вечер крылом,
Буду жить, как библейский пустынный,
Лишь молитвой и тихим постом.

БАЛЛАДА О БАРОНЕССЕ ШРЕДЕР

Не гуляка я и не повеса,
Гражданин обычный, рядовой
Но о встрече с Вами, баронесса,
Вспоминаю с нежною тоской.

Были Вы пленительно красивы,
Был великолепен Ваш наряд,
Акварельных красок переливы
Восхищенный радовали взгляд.

Я все думал, кто ж он, тот умелый
Умудренный жизнью чародей,
Что достойно сделал свое дело
И оставил в памяти людей?

Как сумел он из дождя и ветра,
Из земли, из солнца и мечты,
По ему лишь ведомым приметам
Вырастить прекрасные цветы?

Много есть в искусстве садовода
Сложных неизведанных путей
К тайнам, что хранит всегда природа
В первозданной сущности своей.

Житель был богатого предместья,
Человек учтивый и простой,
Он служил садовником в поместье
В старом парке за глухой стеной.

Разводил цветы в оранжерее,
На газонах подстригал кусты,
Каждым утром по большой аллее
В старый замок приносил цветы.

Жил всегда по совести и чести,
Но беда его подстерегла:
У барона Шредера в поместье
Дочь его красивая жила.

И как в сказках про шута с принцессой,
Что слагает издавна народ,
Полюбил всем сердцем баронессу
Бедный и безвестный садовод.

Только нежных не было свиданий,
Только счастья жизнь не принесла.
На тоску бесплодных ожиданий
Та любовь обречена была.

И однажды, в тихий час печали,
Когда небо меркло над землей,
Медленно колеса простучали
За высокой каменной стеной.

Скрипнули старинные ворота,
И под своды вековых дубов
Въехала карета с позолотой
Потускневших родовых гербов.

Кони встали. Вышла из кареты
Женщина под свадебной фатой.
И блестели рядом эполеты
Золотой тяжелой бахромой.

Садовод с почтительным поклоном
Баронессе преподнес цветы —
Красоты невиданной пионы,
Плод его таинственной мечты.

Очень был печален этот вечер —
Горький дар неласковой судьбы.
Память о короткой этой встрече
Сохранили теплые дубы.

Все прошло. За каменной оградой
Годы протекали, как вода.
В тишине готического сада
Время не оставило следа.

Только расцветают год от года
Все нарядней дивные цветы
Памятью о жизни садового,
Символом любви и красоты.

... Не гуляка я и не повеса,
Рядовой, обычный человек,
Но о встрече с Вами, баронесса,
Не забыть мне, кажется вовек.

* * * * *

Я полагал, что памятью былого
Живет душа на склоне наших лет,
Но Вы сказали ласковое слово,
И дрогнула душа моя в ответ.

Хотелось мне смиренно и безгрешно
Пройти свой путь, отмеренный судьбой...
Зачем же Вы так шутите небрежно?
Зачем чужой играете душой?

* * * * *

Утро жизни твоей озарило мой вечер.
Над судьбою моей засветился твой взгляд.
Жизнь свела на неожиданной, негаданной встрече
Твой весенний рассвет и мой грустный закат.

В нашем полужнакомстве, необычном и странном,
Не свершилось красивых и праздничных дней,
И осталось мне только в мой вечер туманный
Вспоминать о несбывшейся сказке моей.

ВETERANAM BEЛИKOЙ OTЧECтBENNой BOЙНЫ

Ракета взмывает в небо ночное,
Уходит в атаку стрелковая рота.
Со славой в бессмертье из смертного боя
Врага сокрушая, выходит пехота,
Встает под свои боевые знамена
С живыми и мертвыми в ряд, поименно

Военное стихло железо над миром,
В Европе весна была в самом начале.
Оружие сдали своим командирам
Друзья мои, спутники, однополчане.
Гремели оркестров парадные звуки.
Мы были красивые и молодые.
На празднике встреч после долгой разлуки
В счастливых слезах умывалась Россия.

Но были и горькие слезы страданья
О тех, кто живыми не вышли из боя,
Кто смертную пулю и слово прощанья
На веки веков уносили с собою.

Сгорела их жизнь, как зарница над степью,
Но часто в тревожных моих сновидениях
Идут они вновь атакующей цепью,
Идут, как живые, не ведая тленья.

Над ними грохочет тех лет непогода,
Пылает над ними военное пламя,
Из сорок далекого грозного года
Выходят они и встают перед нами.

Им почести возданы в громе салютов,
Воздвигнуты в память о них монументы,
Им посвящают молчанья минуты
Министры, и маршалы, и президенты.

«Никто не забыт, и ничто не забыто»,
Но неизлечима сердечная рана,
И книга великой войны не закрыта,
Пока еще живы ее ветераны.

Мы скоро уйдем, наши сроки подходят.
Уйдем по дороге из мрака и света.
Уйдем, чтоб остаться в последнем походе...
Но жить будет вечная наша ПОБЕДА.

* * * * *

Был холоден твой взгляд и жест нечуток,
Была ты равнодушной и чужой.
И маленький меж нами промежуток
Рос до размеров пропасти большой.

Слова теряли прежнее значение,
Как жалок был я в тот неправый час!
Искал я и не мог найти спасенья
От холода твоих красивых глаз.

Моя беда врасплох меня застала.
Я ждал ее, но не был к ней готов.
Что ж делать, если песня отзвучала
И больше нет ни музыки, ни слов.

Прости за то, что опоздал,
Что слишком долго шел к тебе,
Что я противиться устал
Своей неласковой судьбе.

Прости за то, что много лет
Тебя без памяти любил,
Что за любовь свою в ответ
Твоей любви не заслужил.

Прости, что ветреность твою
Принять, как должное, не смог
И до сих пор в душе таю
Обиду, горечь и упрек.

СЕРГЕЙ ЧУВИН

Родился в Новозыбкове, закончил гимназию, НФ БГПУ по специальности «учитель русского языка и литературы». Планирует поступить в аспирантуру по специальности «философия», преподавать в ВУЗе и заниматься научными исследованиями. Хобби: стрельба, холодное оружие, составление «букетов» из камней.

Вышел на небе невиданный спор:
Много ль добра у подножия гор?
Ангел был послан разведать дела:
Есть ли любовь иль уже умерла?

«Если все есть — это наша страна!» —
Боги решили, воспрянув от сна.
Будем там жить и творить красоту,
В быль воплотим мы мирскую мечту»,

Ангел вернулся спокоен и хмур
И не спешит рассказать никому.
Боги к нему подбежали толпой:
«Ну, говори же, что было с тобой!»

Медленно ангел поднял мрачный взор:
Жалость и боль в нем сплетались в узор,
Медленно начал богам говорить:
«Поздно хотите людей одарить.

Есть там любовь и добро тоже есть,
Только не так, не такие, как здесь!
Люди живут в той пропащей стране,
Но не прожить там ни вам и ни мне».

МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ

Спи, невинное дитя, отрешись от дня,
Все забудь, сейчас ты мой, выслушай меня.
Огонек в камине тускл, освещает нас.
Спи, дитя, я послежу, как бы не угас.
Мерный треск сухих полен, за окошком мгла.
Спи, малыш, я пригляжу, чтоб она ушла.
Будут нас оберегать тени по углам
Старых, чопорных господ, статных милых дам.
Камнетесов, слуг, крестьян — им хозяин я,
И присмотрит за тобой дружная семья.
Я же сяду у стены и начну сейчас
О печальных временах долгий мой рассказ...
Там, где нет на небе звезд, есть одна страна,
Одинока и грустна... брошена она.
Бесконечный черный лес ниспадает с гор,
Замок прямо на скале — стен резной узор.
В прошлом шумные пиры и работы страсть,
Лишь ползучий выюн обрел в тех покоях власть.
Младой принц навек исчез — горе для двора,
Люди бросили дворец — и конец пирам.
Через годы запустел раньше теплый дом,
Камнем стал он средь камней, околдован сном...
Ночь. Не шелохнется лес. Факелы горят,
Льется с гор рекой огня всадников отряд.
Слышен дробный стук копыт, хрипы лошадей,
Что же привело сюда этих всех людей?
Предводитель их угрюм, филин на плече,
Черных рун густая вязь на стальном мече.

Спрыгнул наземь он с коня, сбрасывает плащ,
Прорезает тишину чей-то тихий плач.
С уст надменных громкий свист сорвался во тьму,
И младенца, сняв с коня, принесли ему.
Вот поляна, посреди — белая плита,
Но недолго та плита простоит пуста.
И какой-то злой обряд начинают в ночь...
Мы от злобы их, дитя, унесемся прочь.
Ты не бойся их, малыш, мрачны те дела,
Но могущества пора в навсегда пуста.
Унесу тебя, мой принц, на своем плече,
Не увидишь через плащ руны на мече.

* * * * *

Ну что, ясноглазый, крылья болят?
И ноги разбиты. Сильно помят?
Попал в переделку? Били, небось?
Ну, где ж ты шатался, мокрый насквозь.

И что ты твердишь, совсем не пойму.
Да вижу, что ангел. Но почему?
Спасать от несчастий? Очень умно!
Ты сам-то подумай! Все мы давно...

А твой подопечный точно ли жив?
Не стоило рваться, так бы прожил.
Я знаю, что скептик, жизнь такова.
Ты сам понимаешь — все лишь слова...

Летел бы обратно — лишний ты здесь.
А впрочем, пошли, тебе нужно поесть.
Давай, проходи, лицо хоть умой.
Ты чей? Не расслышал... Как это — мой?

* * * * *

Приходим мы сюда по одному
И ничего с собою не приносим,
Всю жизнь творим, подозреваем, просим,
Смеемся, принимаем «на дому»,

Благодарим... Обидно не за это —
За то, что трепетный момент рассвета
Когда-то не наступит, как для нас
Не наступил желанной славы час.

Бояться тех, поставлен кто над нами...
Какая чушь! Холсты истлеют в раме.
Отсюда мы по одному уйдем
И ничего с собой не заберем.

* * * * *

Уходили. Мерили шагами
Бесконечность пыльную дорог.
Попадались со стертymi ногами,
Не бежать давали все зарок.
Возвращались. Запустенье комнат
Выпивали, выдохнув, до дна,
Чтоб наутро ничего не помнить,
Восхищаться видом из окна.
А под вечер вспоминали поле,
Проклинали краску мертвых стен,
Разрывала мелочные роли,
Уходили с жаждой перемен

* * * * *

Довольно странный человек
Живет недалеко.
Довольно странную печаль
Рисует. Нелегко
Узнать о нем, увидеть дом,
Где он проводит дни.
Его лицо не может кисть
И память сохранить.
Оно — река, а голос — тень
А тень без света — ночь.
А ночью мать двоих детей
Всего лишь чья-то дочь,
Отец — всего лишь чей-то сын
Пред ликом бытия...
А человек живет один:
Он сам себе судья.
Рисует странную печаль,
По вечерам молчит,
Но дни свои среди людей
Ничем не омрачит.

Ничем не выдает себя
В стране державной лжи,
Его зеленые глаза —
Моя двойная жизнь.

ОДНОПОЛЧАНЕ

Мы затевали разговор в ночи,
Когда глаза и лица не видны,
Когда ни звезд на небе, ни луны,
Когда, присев, по кругу мы молчим.

Не важно, кто предчувствовал беду:
Мы — ветераны мертвого полка,
Мы пепел от бывшего огонька,
Мы в эту ночь не в тягостном бреду.

Терзают нас иные палачи...
Не оказались вместе у дверей.
Навечно братья разных матерей,
Мы друг за другом медленно молчим.

ЧЕЛОВЕК ТОЛПЫ

Я мелкая крошка в постели богов,
Крупица высоких нагорных снегов.
Мне трудно сражаться, но думать трудней:
Ведь издавна сверху все было видней...

Растертые спины, бессонная ночь,
Уносятся боги взбешенные прочь,
Ты думал: чего б им не жить среди нас,
Но я постарался и пробил их час.

Я часть, но меня миллиарды вокруг...
И сходит лавина, и гибнет твой друг:
А ты, поседевший от горя за час,
Не знаешь, который убийца из нас.

Мне факел был дан не разглядывать путь,
А жечь, надругаться, корежить и гнуть.
Нам трудно сражаться, но думать трудней:
Ведь издавна сверху все было видней.

ЭПИЛОГ

Какая мука чувствовать сейчас
Все то, что приходило по ночам.
Как горько, что сияющую даль
Не может вдохновение передать.

Зачем теперь завидовать другим,
Наверное, пишу последний гимн.
К чему лукавить: я скажу себе,
Что мог бы продолжать неспешный бег,

Но ум уже не так, как встарь, остер.
Задует ветром скоро мой костер.
Увы, мне больше нечего рубить,
Под солнцем с легкой поволокою
Чуть-чуть кружится голова.

И воздух свежий, в сочной спелости
Плодов созревших красота
Все составляет в мелодию
Осенней песни журавля.

ИРИНА ЗАЗИМКО

Живет и работает Ирина в г. Новозыбкове. Стихи пишет сравнительно недавно. Творческая, впечатлительная натура. Ее стихи эмоциональны, образны, мелодичны, полны положительной энергии, высоких чувств.

* * * * *

Татьяне Рыжовой

Невзрачна сцена, свет невзрачен,
И инструмент давно устал,
При взгляде первом, без сомненья,
Он в жизни много повидал.

Все это сделалось неважным,
Как только голос зазвучал,
И, нежный, с силою волшебной,
Спустился и окутал зал.

Чистейшей красоты сопрано,
То таял плавно, то взлетал,
Переменяя форте с пьяно,
Бемоль и диэзом облучал.

И в каждом звуке оживало,
Страданье чье-то, чья-то боль:
Дочь Риголетто умирала,
О принце грезил Ассоль.

Как голос нотки трогал страстно,
Как в высоту легко взмывал,
Как грациозно и прекрасно
От верхней ля он вниз бежал.

* * * * *

Какая нынче осень выдалась,
Все дни чудесно хороши,
Каштанов ворох, листьев кружево,
Ну, просто праздник для души.

От заморозков утра раннего,
К полудню нету и следа,
Подсолнцем с легкой поволокою
Чут-чуть кружится голова.
И воздух свежий, в сочной спелости
Плодов созревших красота,
Все составляется в мелодию
Осенней песни журавля.
Какая нынче осень выдалась!
Как боязно ее спугнуть,
Какой невыразимой прелести,
Всей грудью хочется вздохнуть.

* * * * *

Любовь, кромсающая душу
И разрывающая суть,
А голос в трубке глуше, глуше:
— Еще минуточку побудь.
Любовь поделена на части,
На две, наверное, пока
В одной — пять лет безумной страсти,
В другой — осталась ждать звонка.
И что там было, что случилось,
Какая разница кому,
А в телефонной трубке билось:
— Люблю тебя, люблю, люблю!
И болью отзывались в сердце,
Разорванные на куски,
Листочки из письма в конверте
Живой тогда еще любви.
Как страшно все переменялось
И перестало смысл иметь.
Коль сделалось тебе не в милость,
Осталось лечь и умереть.
... И зал затих. В одном дыханье
Сочувствовал, переживал
И тишину рукоплесканьем
В конце концов он разорвал.

* * * * *

Не расслабляйся никогда ни перед кем,
И как бы тяжело тебе ни стало,
Есть ты, твое лицо, твое начало,
Сомкни уста и все начни сначала.

И, поднимаясь, каждый раз с нуля
Ведя отсчет паденьям и удачам,
Смеясь отчаянно, отчаянно и плача,
Поверь в успех — он от страданий сдacha!

* * * * *

Белый холст, уголек с огарок
Что возникает нынче над ним,
Чем заполним жизни подарок —
День грядущий и тот, что за ним?

Как судьбою распорядимся,
Каждый раз выбор делая свой,
Что услышим и чем насладимся,
Где душа обретет покой?

* * * * *

Сбегают запахи с листочков,
Весенний кружат аромат,
И звонко лопаются почки,
И солнцем заливают сад
И одуванчики в волнении
В чудесный соткались ковер.
Все расцветает в нетерпении.
Быть несчастливой нынче — вздор!

* * * * *

Судьба — ворожея, колдунья, плутовка
Смеется над нами порой от души,
Как мы, прибегая к различным уловкам,
За счастьем своим, отставая, спешим.

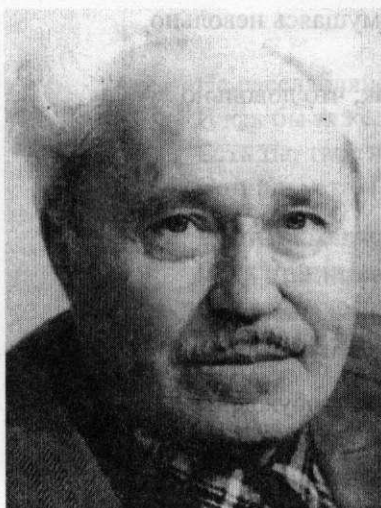
И ходим по кругу, смущаясь невольно,
Не понимая того,
Как часто бывает так, что довольно
Шага всего одного.

* * * * *

Очень хороша в одеждах желтых,
Белой вьюгой мечена зима,
Пробегают лето знойным полднем,
Трудно для весны найти слова.

Где травинки каждой пробужденье
Равно вечной тайне бытия,
Лепесточков тихое рожденье
Не увидеть, хоть смотри три дня,

И так хочется поймать мгновенье
То, как появляется на свет
Из бутончика, едва сиреневого,
Ласковой фиалки первый цвет...

ВИКТОР ФИЛОНОВ

Моя родина – Брянщина, где я родился в селе Великая Топаль. Окончил десятилетку, после этого работал учителем в Душкинской семилетке, затем служба в армии длительностью 26 лет. Сейчас на пенсии. Живу в Новозыбкове. Мои стихи часто печатаются в различных местных и центральных газетах, журналах. В 1994 году стал призером конкурса сатириков и пародистов на приз Козьмы Пруткова.

Не гляди на меня
Из-под тонких бровей,
Не встречай меня
Робкой улыбкой —
В сердце образ иной
Став надеждой моей,
Заслоняет мне
Образ твой зыбкий.

Она всюду со мной,
В думах каждого дня,
И я мыслю себя
Только с нею,
Говорю не тая:
Есть любовь у меня,
А двоих я любить
Не умею.

От тебя лишь хочу,
Чтобы в жизни твоей
Я не стал
Тривиальной ошибкой.
Не гляди на меня
Из-под тонких бровей,
Не смущай меня
Грешной улыбкой.

* * * * *

Знает мальчишка любой:
С самых начал мироздания
Ходит по свету любовь
Счастье несет и страдания.

Зорюшка-зоренька,
Радостный свет,
Лучшая, неповторимая...
В мире чудеснее нет
Той, что зовется
«ЛЮБИМАЯ»

Многое в нашей судьбе
Служит злосчастия базой,
Вот и не верит тебе
Чудо твое большеглазое.

Зорюшка-зоренька,
Мрачный рассвет,
Туча нависла незримая —
В мире ревнивее нет
Той, что зовется
«ЛЮБИМАЯ».

Годы торопко идут
Сквозь пересуды и шепоты,
Вот уже внуки растут —
Бабушке новые хлопоты.

Зорюшка-зоренька,
Седенький цвет,
Сердце твое незлобивое...
В мире терпимее нет
Той, что зовется
«ЛЮБИМАЯ».

БАЛЛАДА О ЖЕНЩИНЕ

С каких времен легенда эта,
Годам тем давним нет числа.
Однажды женщина средь лета,
Грибы собирая, лесом шла.

Вдруг —
Лев свирепый из кустов!
Кошмар такой едва приснится!
Разинул пасть,
К прыжку готов
Сейчас трагедия свершится.

Кто б этой женщине помог?
Только в себе ищи надежду!
Она —
Мгновенный жест-рывок —
Враз сорвала с себя одежду.

И лев, что яростью горел,
Что ей предстал судьбою черной,
Пред ней ослаб
И присмирел,
И лег у ног ее покорно.

Выходит, в женщине есть сила,
Что может чудо сотворить,
И если льва она смирила,
О нас
Не стоит говорить.

* * * * *

Я о войне сужу
Не понаслышке,
Не по геройским фильмам
Прошлых лет,
Я помню взрывов огненные вспышки,
Я помню САБов леденящий свет,

Я помню,
Как визжат в полете мины,
Я помню бомб мозги сверлящий свист,
Я помню штык,
Кровавивший мне спину,
Когда меня в гестапо вел фашист.

Я помню рвань,
И вшей,
И толпы нищих,
Я помню голода бесцветно-бледный лик,
Я помню горький дух на пепелищах
И похоронок страшный вдовий крик.

Я помню мрак, кресало и лучину,
Я помню стены голые в избе,
Я помню поля жуткую картину,
Где люди землю пашут на себе.

... Я о войне сужу
Не понаслышке.
Она во мне —
Реальный тяжкий след.
Она украла детство у мальчишки,
А было мне в ту пору
Десять лет.

* * * * *

Как много женщин
В нашем городе пригожих!
Влекут, тревожат, голову кружат...
Глазищи, губы, ножки...
Отчего же
Они не мне — другим принадлежат?!

А ведь «она» —
Соблазн ходячий грешный,
А ведь «она» —
Сокровище услад.
Не потому ль у нас,
Мужчин у многих здешних,
Глаза от жен на сторону косят?

Ну что своя?
Усталая бабешка.
То ей нельзя, то дел невпроворот.
И вообще своя —
Как пресная лепешка,
А вот в чужую —
Меду черт кладет.

* * * * *

Холуйство —
Души состояние
И линия жизни приватная.
Холуй состоит из желания
Устроить начальству приятное.

Цинизм и пикантные тайности —
Все сыщется в этих потугах.
И нету ни капли случайности
В бесчестных
Холуйских услугах.

* * * * *

Душевный мир
В забвении лежит,
Не рвемся мы
Добро оттуда брать,
И нас тревожит,
Если нечем жить,
Но ни на йоту —
С чем нам помирять.

* * * * *

И был закат,
И тихий вечер,
Мелькали в воздухе стрижи.
На твои худенькие плечи
Я тихо руку положил.

И ничего кругом не стало
Тот миг
Вовек не повторим
Лишь мое сердце трепетало,
Слиться готовое с твоим.

* * * * *

Детство мое дальнее,
Детский мир босой,
Лето,
Солнце раннее,
Луг покрыт росой.
В песенке у бабушки
Вдовый хуторок,
У соседской девочки
Бойкий говорок.
Отрочества верного
Отдаленный свет...
Лето сорок первого
Детства больше нет.

Тот мир,
 Вовек не повторим
 И вновь
 Иные мое сердце тревожило,
 Как прежде, как раньше
 Снятся готовое с твоим.
 А вот в такую
 Между чем * * * * *
 Детство мое далёкое,
 Детский мир бошой,
 Холода в лугах,
 Души сошедшие,
 И ланя жёлтая,
 Лут покрай речки,
 В песенях у дедушки,
 Устроит хитрый гаданье,
 Цинизм и левый
 Бойкий говорок,
 Все сыщется в старости,
 И негу ни какою,
 Отражённый свет,
 Лето сорок первого,
 Холода в лугах,
 Детства бошое нет.

ТАТЬЯНА ПОЖИЛЕНКОВА

Родилась в Новозыбкове, окончила школу № 1, Новозыбковское педагогическое училище. Специальность «филолог» приобрела в Брянском государственном педагогическом университете. В настоящее время ответственный секретарь Новозыбковской объединенной газеты «Маяк».

Родилась я осенью,
Я, как осень, рыжая,
А одежду сброшу я —
Скажешь ты: бесстыжая.
Я же не распутница,
Грустная насмешница,
Осенью — распутица,
Я — в душе мятежница.
Клен пурпурный плачется,
Мне бы тоже плакать.
Жизнь, как мячик, катится
В дождевую слякоть.
И рябина горькая
На губах останется.
Родилась я осенью,
Я ее избранница.

БАЛЛАДА

В далекой стране,
Где май круглый год,
Принцесса все спит
И принца все ждет.

Тень на ресницах,
На пологе пыль,
Может быть сказка,
А может и быть.

А принц все не едет,
Куда ж он пропал?
Неужто в беду он
Какую попал?

И тень на ресницах,
На пологе пыль —
Его приютил
Степной ковыль.

Вот так разошлись
Две волшебных судьбы,
Быть вместе мечтали
Влюбленные мы.

Слеза по ресницам,
А по сердцу боль —
Покинул меня сероглазый король.

ВЕК ДВАДЦАТЫЙ

Зал с зажженными свечами
И огромный стол.
Вы заумными речами
Развлекали двор.

Блеск погон на мундирах,
Томный взор очей,
Вы являлись их кумиром
В пламени свечей.

А когда погасли свечи,
Гости разошлись.
Вы устало в кресло сели
И уснули в нем.

За окном стучали ели
В опустелый дом.
Ветер шевелился глухо,
Кутаясь в сугроб.
Желтая луна — старуха
Лила света сноп,

Вы проспали до рассвета,
Не увидев снов.
Вы забыли, мой хороший,
Про мою любовь.

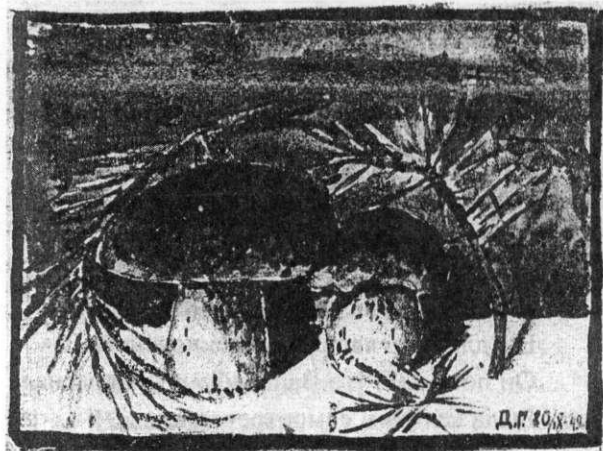
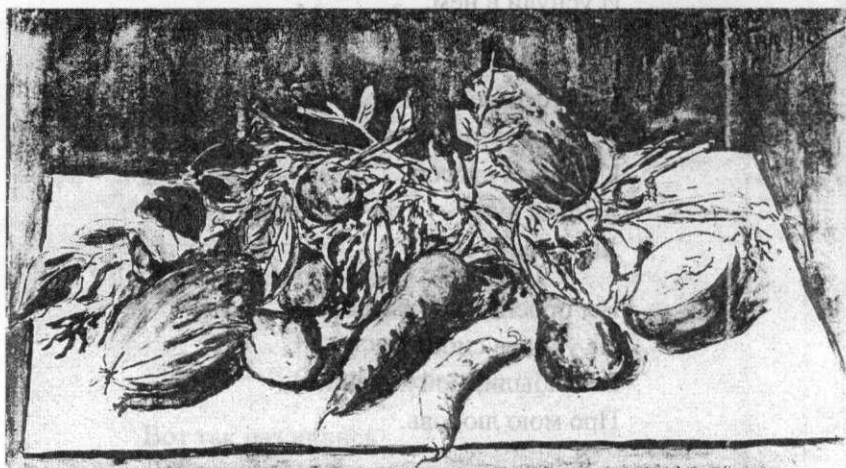
ЛЮБОВЬ ТЮТЧЕВА

Две женщины великого поэта,
Как Вы любили, как страдали!
Две, созданы из пламени и света,
Вы знали все и все прощали.

По-своему счастливые несчастные
Вы для него являлись вдохновеньем,
Он понимал, что Ваша жизнь прекрасная
Была великим самоотреченьем.

Седой и низкорослый старичок,
Он Вас любил, и Вы его любили,
От двух страстей отречься он не мог
И даже на Елениной могиле.

Два милых имени, два стана, два лица,
Как он писал: продлись очарованье.
Он Вас воспел дыханием стиха,
Он Вас обрек на вечное сиянье.

ВЛАДИМИР КУХАРИШИН

Родился и живет в Новозыбкове. Стихи пишет с детства, песни — с 16-ти лет. Переиграв в нескольких коллективах, в 95-м году основал группу «Портрет Дориана Грея». Печатается в местных и иногородних изданиях, выступает на фестивалях всероссийского масштаба.

РУБАИ

I

Темно. Уж поздно, а быть может, рано.
И снова я целую край стакана.
«Не все так плохо,» — мне он говорит,
Даря очередной поток обмана.

II

Я грусть свою водкой пытался залить
И дымом табачным — беду застелить.
Обманывал рот, а глаза выдавали.
Я думал: наверно, их лучше закрыть.

III

Ответь мне, Господь, если только Ты есть:
Почто Ты вознесся, оставив нас здесь?
А может, Ты просто сбежал от проблем,
Которые были, которые здесь?

IV

Глаза еще открыты и сухи.
Я вновь пишу ненужные стихи.
Но даже мне от них не станет легче,
Все это — только новые грехи.

V

Нас всех определяет бытие,
И будет все: лобзання, битие.
Мы лишь рабы чьего-то произвола,
И наш протест — стихи и питье.

VI

Омар Хайям, ты был чертовски прав,
Брюзжание о трезвости поправ.
Я за тебя бокал свой поднимаю,
Наполненный милейшей из отрав.

VII

Омар Хайям, поэт, воспевший пьянство,
Ты победил и время, и пространство.
Который век в любом конце Земли
Наказ твой чтут с завидным постоянством.

VIII

Когда от суеты спасенья нет,
В Господень углубляюсь я Завет.
Но углубляясь, я все больше оглупляюсь.
Видать, и это — суета сует.

IX

Минуты сытости и месяцы лишений,
Век инквизиции и годы послаблений
Полезно все, что преподносит эта жизнь,
Источник радости и горестных сомнений.

X

Напрасно жаждут обличители почета.
Искать изъяны — немудреная работа.
А ты попробуй сделать что-нибудь такое,
Что мир приблизило бы к счастью хоть на йоту.

XI

Мне казалось, что я всех умней и честней.
Я стихи сочинял, чтоб исправить людей.
Изменилось же только мое самомнение,
Все иное осталось, как в первый из дней.

XII

Тот, кто делает что-то, в процессе не раз ошибается.
Достижение часто ошибками перекрывается.
Только тот ничего не теряет, но и не находит,
Для кого это все суетой и томленьем является.

XIII

Парадокс, но мне до смерти хочется жить.
Слава Богу, пока есть возможность грешить.
В мире столько вина и сговорчивых женщин,
Что нельзя эту Землю и жизнь не любить.

XIV

Каким бы ты себя ни мыслил господином,
Для эйфории и зазнайства нет причины:
Как ни взлетал бы ты, чего бы ни достиг,
Всегда есть более высокие вершины.

XV

Смелый взгляд, на красавицу брошенный, — грех.
Рог вина, за здоровье осушенный, — грех.
Каждый шаг в этой жизни, любое движение
С точки зренья ханжей и фанатиков — грех.

XVI

Ты желаешь пред Богом себя оправдать?
Прекрати понапрасну надежду питать.
Без труда Он отыщет, за что зацепиться,
Чтоб в геенну любого из нас отослать.

XVII

Эта жизнь снисходительна только к тому,
Кто поблажки не сделает сам никому.
Те ж, кто мягок, уступчив и неагрессивен,
В данном мире, по-видимому, ни к чему.

XVIII

Чтоб не быть у Своих обещаний в плену,
Прозорливый Господь сотворил Сатану
И за все неурядицы на этой планете
На него беззастенчиво валят вину.

XIX

Говорили ханжи мне: не пей, не кури,
Порно-сайты, журналы, кино не смотри,
Не водись со шпаною, не спи с кем попало.
Говорили, а сами глумились внутри.

XX

Стоит только подумать о том, что есть ты,
Изменяется мир, оживают мечты,
И уже нипочем злосключения, невзгоды,
И, как прежде, парю вне земной суеты.

XXI

Если здесь быть с тобою Господь не велит
И за плотское счастье геенной грозит,
Может быть, хоть в аду, бестелесным, бесплотным,
Он остаться навеки вдвоем разрешит.

XXII

День превратился в вечер и подошел к концу.
Вот так и мы однажды отправимся к Творцу.
Наш прах подхватит ветер и разнесет, играя,
Как бабочка разносит цветочную пыльцу.

XXIII

Как лучше поступить? Не знаешь никогда.
Какой тропой пойти и повернуть куда?
Но что ни избери, окажется в итоге,
Что сделал ты не то и вышел не туда.

XXIV

Спору нет, кто бы сколько ни жил,
все покинут наш бренный приют.
Спору нет, господа и рабы
абсолютно на равных сгниют.
Но пока на Земле, а не под,
все ж приятнее быть господином
И уйти, по возможности, позже,
пусть даже на пару минут.

XXV

Нет, не бывает чудес в наших скромных местах.
Вещи на круги своя возвращает Аллах.
Временным даром судьбы не спеши обольщаться,
Все нужно будет вернуть, лишь повертишь в руках.

XXVI

Хвала Всевышнему! Мне нет и тридцати!
Еще не преодолено и полпути.
А я давным-давно устал, и мне сдается,
Что дальше некуда и незачем идти.

XXVII

На какой-то процент жизнь мы делаем сами.
Точно так же — частично — судьба правит нами.
Жаль, не знаем, когда мы вольны выбирать,
А когда Богом данными ходим путями.

XXVIII

Тот, кто делает жизнь чередою забот
И на все, кроме дел, горделиво плюет,
Обнаружит в финале, что вовсе и не жил,
А забот, как и в юности, невпроворот.

XXIX

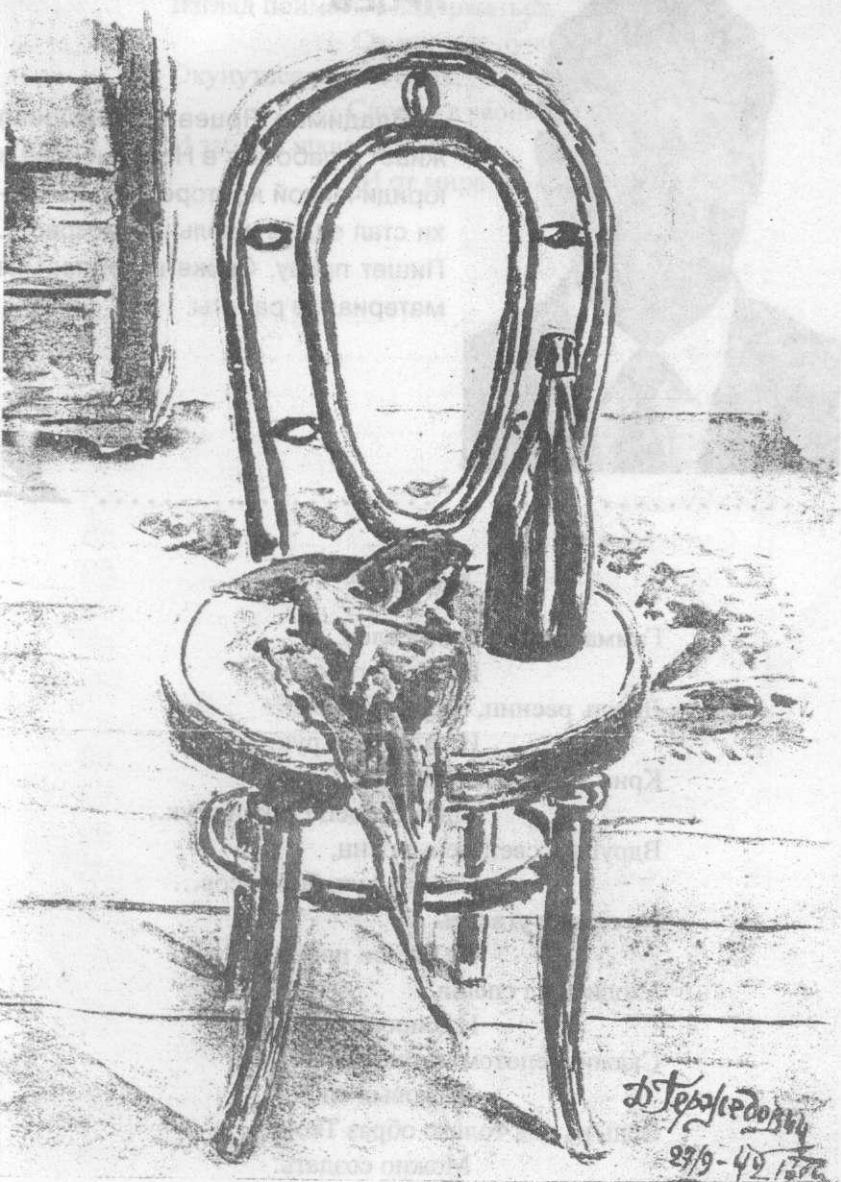
Изменять этот мир нам, увы, не дано.
Остается (что очень плачевно) одно:
Поменять отношение к реалиям жизни.
Для того Бог, наверно, и создал вино.

XXX

Нигде покоя не обрящем на Земле мы:
Кругом тревоги, нерешенности, дилеммы...
И даже если все как будто хорошо,
Иль создадим, или придумаем проблемы.

XXXI

Поэт при жизни не имеет даже отчества.
Его удел — безверье, бедность, одиночество.
А умерев, тотчас становится кормильцем
Для эпигонов и исследующих творчество.

ВЛАДИМИР ЯРЦЕВ

Владимир Ярцев (В.Олейник) живет и работает в Новозыбкове в юридической конторе. Писать стихи стал еще в школьном возрасте. Пишет прозу. Сюжеты черпает из материалов работы.

ПЕПЕЛ

Гамма чувств, гамма слов,
Водопад голосов...
Дождь ресниц, блеск зрачков
И сплетенье рук...
Крик души, глаз прищур,
Двух сердец гулкий стук...
Вдруг рассвет, пенье птиц,
Солнца луч, бой часов...
Не спиши угасать.
Не спеши пропадать.
Уходить не спеши
Из сиреневых снов.
Скажи шепотом несколько
Ласковых слов.
Ведь из них только образ Твой
Можно создать.

Обрести и коснуться,
 Вдохнуть и зарыться...
 Взгляд поймать и задержаться
 От жарких лучей.
 Окунуться в твой смех,
 Словно в звонкий ручей...
 И забыть шквал проблем,
 И от мира забыться.

8	Вступительная статья
9	А. Кляшников
13	В. Петровиченко
18	В. Анатольева
32	В. Корытко
40	А. Конатов
44	В. Тютюнник
50	М. Мухомов
52	В. Федорин
58	С. Писарев
63	Н. Пляс
67	Д. Токмак
72	Е. Москалин
81	С. Чувпир
88	Н. Завякин
92	В. Филонов
99	Т. Поляков
103	В. Кузнецов
110	В. Яруев

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительная статья	3
А. Калмаков	9
В. Петроченко	13
В. Анатольева	18
В. Корытко	32
А. Кочетов	40
В. Тютюнник	44
М. Мухина	50
В. Фельдман	55
С. Лысакова	58
Н. Лия	63
Д. Толкач	67
Е. Мосягин	75
С. Чувин	81
И. Зазимко	88
В. Филонов	92
Т. Пожиленкова	99
В. Кухаришин	103
В. Ярцев	110